

Александр
Кваченюк-Борецкий

САЧОК ДЛЯ БАБОЧЕК

Криминальная мелодрама

Александр Кваченюк-Борецкий

Сачок для бабочек.

Криминальная мелодрама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12272023

ISBN 9785447430573

Аннотация

История любви о новом Адаме и новой Еве. Ради нее он готов на все! Даже сознаться в преступлении, которого не совершал! Вернувшись из заключения, на месте сгоревшего дотла родного жилища Адам видит великолепный двухэтажный особняк! А тот, кого прежде он считал своим другом, по-хозяйски распахивает перед ним калитку, приглашая войти в знакомую до боли усадьбу. На крыльце особняка – молодая женщина. Из глубины его доносится детский крик. Удивлению Адама нет границ, когда в женщине он узнает Еву!

Содержание

Глава первая. Ева	5
I. Последний звонок, первый контакт	5
II. Выпускные экзамены	11
III. Марго	22
IV. Выпускной бал	31
Глава вторая. Возрождение из пепла	40
I. Погорелец	40
II. Бегство из Кучино	50
III. Бомж	57
IV. Коттедж	63
Глава третья. Анна	68
I. «Нечаянное» знакомство	68
II. Порез	80
III. Свиданье с Гусыней	86
IV. IQ Юрика	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сачок для бабочек
Криминальная мелодрама
Александр
Кваченюк-Борецкий

© Александр Кваченюк-Борецкий, 2016

ISBN 978-5-4474-3057-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Ева

I. Последний звонок, первый контакт

Собственно, мой портфолио, то есть то, что мне помогало нравиться девушкам и женщинам и в дальнейшем обрести себя в качестве профессионального ухажера всегда был при мне. Ведь я родился вместе с ним. В классе третьем, когда я дергал за косички нравившуюся мне девчонку, она лишь для вида сердилась и, размахивая пухлыми кулачками, порой засаживала одним из них прямо мне в лоб. При этом в глазах у нее плясали дерзкие и в то же время лукавые бесенята. Мол, получите и распишитесь за столь незатейливое проявление симпатии!

Ах, да! Чуть было, не забыл... Зовут меня Адамом. И вы уже, наверняка, догадались, что там, где есть мальчик с таким именем, найдется и девочка по имени Ева!

В десятом классе я уже частенько провожал ее после школы до дому и тискал во всех подворотнях, какие попадались на нашем пути. Она негромко повизгивала и шумно сопела, когда ее всерьез забирало. Легкие бусинки пота выступали над ее верхней губой. Даже тогда при полном отсутствии какого-либо опыта в обращении с противоположным полом, я догадывался, что Ева несомненно созрела для большего.

Но я не решался ей это предложить, так как боялся отказа.

Все произошло как-то само собой. Так, что потом я с трудом верил в то, что подобное могло случиться на самом деле.

Прозвенел последний школьный звонок. Был май, и ярко-зеленое облачко распутившихся листьев осело на кроны деревьев.

– Ну, вот и все! – со вздохом облегчения, в котором все-таки присутствовала легкая толика грусти, вырвалось у Евы, когда мы подошли к калитке ее усадьбы, в глубине которой виднелся рубленый дом. – Скоро – выпускной, и на этом – точка!

Я попытался привлечь ее к себе, чтобы поцеловать в одну из немного порозовевших от непонятого волнения, как-кое, видимо, испытывала Ева, щек. А потом в ее манящие губы... Но она с немного виноватой улыбкой вяло отстранилась.

– Нет-нет! Только – не здесь... Соседи могут увидеть! Давай зайдем в дом, и я верну тебе твой задачник по алгебре.

– Скажешь, тоже! – недовольно возразил я. – К чему мне теперь – он!..

– Да, не в этом дело! Олух – ты царя небесного!

– Это я – олух?!.

Оттого, что она так пренебрежительно повела себя со мной, я еще больше захотел ее губ и того, о чем до сих пор я мог только мечтать. Поэтому, едва мы переступили порог дома, я с силой притянул Еву к себе и уже ни о чем ее

не спрашивал, а только делал то, что подсказывал инстинкт, и чего, как мне казалось, в глубине души желала она.

– Тихо, тихо... Юбку порвешь!

Меня всего трясло, точно в лихорадке. И поскольку такое происходило со мной впервые, я сам толком не знал, что творю. Но Ева, хотя не меньше моего была на взводе, умело руководила мной.

– Да, нет, не так!.. А вот так!.. – жарко дыша мне в ухо, шептала она.

Я в досаде прикусил губу.

– Ай!!! – наконец, громко вырвалось у нее.

«Как это – здорово!» – подумал я, достигнув желаемого.

Дальше все шло, как по маслу, и я был на седьмом небе от восторга. Впервые за кои веки женское тело в лице Евы перестало быть для меня запретным плодом. Плодом моих долгих и мучительных мечтаний и теперь моя душа, подчинившись его безраздельной власти, готова была служить ему, подчиняться ему и до конца моих дней работать на него, чтобы получить дозволения испить живой водицы из этого неиссякаемого сосуда радости и наслаждения.

Прошел день... Два или три... Не помню точно. Но после того, как, благодаря Еве, я осознал себя желанным ею, я пребывал, словно во сне. Все вокруг казалось мне совершенно иным, чем прежде. Исполненным какого-то особенного очарования и смысла. Смысла жить, любить и наслаждаться верой в собственные силы. В конце концов, гордиться собой

от осознания того, что я стал полноценным мужчиной. Сейчас мне смешно и немного грустно это вспоминать, но тогда я искренне полагал, что мужчина именно тот, кто благодаря собственным усилиям, без чьей-либо помощи, открыл врата рая, чтобы услышать сладкоголосое пенье его птиц, вкушать его волшебных плодов, с головой окунувшись в омут чувственной неги!

Возможно, моя любовь к Еве была незрелой, и в ней было больше юношеского эгоизма, жажды обладания и жадного любопытства, чем того, что мы называем единением двух любящих сердец в подлинном значении этого слова... Но, так или иначе, я храбро ступил на тропу войны. Войны с собственной никчемностью, слабохарактерностью и неспособностью довести ни одно дело до его благополучного конца. Я думаю, вы понимаете, что именно я имею в виду! Уже в семнадцать лет я жутко комплексовал по всякому поводу и даже без такового... Я рос без отца и постоянно завидовал сверстникам, у которых имелись оба родителя. Безусловно, на данное обстоятельство мне было бы совершенно наплевать, если бы, взрослея, я не замечал, как мучается от этого моя бедная мать. Как она без конца раздражается по пустякам и срыгает свое зло на мне. А потом, жалея о содеянном, неистово прижимает меня к своей груди, точно и впрямь с нами беда какая стряслась, и по лицу ее текут жгучие, точно доведенная до последней точки кипения смола, слезы.

– Ма, да че ты опять куксишься! Ты мне это брось, гово-

рю! – как мог, пытался успокоить я самого дорого и близкого мне человека.

– Да, это я – так! Сдуру... Не обращай внимания, сынок. Ты же знаешь, баба – без слез, что лето – без дождя. Щас, пореву немного и успокоюсь. Хорошо, хоть ты у меня есть, Адам! А то душу совсем некому б было излить.

Потом мать касалась ладонями моих щек и внимательно полными материнской любви и тоски глазами некоторое время смотрела на меня.

– Обещай мне, Адам! – говорила она тогда.

– Чё, ма? Чё обещать-то?

– Да, то, дурья твоя голова! Обещай, что никогда не брошишь меня, как твой отец, чтоб ему, паразиту, на том свете икнулось!

В глубине души, ужасно жалея мою мать, я охотно кивал головой.

– Конечно, ма! Что ты такое говоришь? Когда вырасту, я всегда рядом с тобой буду. Буду любить тебя, и заботиться о тебе...

– Врешь, поди, негодник!

Мать с добродушной усмешкой еще какое-то время смотрела на меня.

– Я все, что хочешь, для тебя сделаю!.. Только не ругай меня за то, что я «пару» вчера по алгебре схватил!

Улыбка медленно сползала с лица матери.

– А, что ж, прикажешь в ножки тебе за это поклониться?

Спасибо, мол, сынок, обрадовал!

Я виновато зашмыгал носом.

– Ну, зачем же – в ножки?.. Просто прими это, как данность!

– Надо ж, как брехать намостырился! Только данность твоя тебе же боком потом и выйдет! У тебя ж не дневник, а целое лебединое озеро! По пять штук сразу на одной странице плавают...

II. Выпускные экзамены

Я, как и большинство бедолаг из моего класса, без особенного энтузиазма воспринял эту необходимость. Учился я плохо, чем, впрочем, мало отличался от подавляющего большинства сверстников. Ведь всякий из нас понимал, что учеба – это фуфло, то есть вовсе не та сфера, где можно было выделиться в лучшую сторону. Вон сколько чудаков с дипломами на руках по стране гастарбируют, в шахте погибаются и даже метлой по двору шкрябают. А, если взять село, где я родился и вырос, то совсем печальная картина получается. Во-первых, деревня наша деградировала настолько, что насчитывала не более сотни дворов. Поэтому наш выпускной класс на тот момент являлся единственным. Как говорится, он был вне конкуренции. А, значит, учитель не мог ничего из нас ткнуть носом в наше собственное дерьмо и привести в пример тех, кто, возможно, имели бы лучшие оценки, поскольку обладали бы большими знаниями. Конечно, хуже нашего класса трудно было бы сыскать какой-либо другой!.. Но в том-то и дело, что этого «другого» просто не было. А на «нет» тулуп надет...

Кроме того, из двух десятков учеников пацанами были лишь пятеро. Известное дело, что при таком раскладе завалить хотя бы одного учащегося на экзамене для столь небогатой ребятней школы являлось большой роскошью!.. Беря

в расчет то, как не ахти учителя справлялись со своей работой, школу могли бы однажды просто взять и закрыть. И тогда пришлось бы жителям нашей зачуханой деревни отправлять своих чад на учебу в соседний район. То есть, примерно за тридцать километров. А где бы взяли для этого средства? Рейсовый автобус-то приползал в нашу деревню раз в двое суток. Да и то неаккуратно. В зависимости оттого, был ли исправен, и не в загуле ли – водитель... Вот такие, брат, пироги непонятно с какой начинкой!

Честно говоря, когда я досконально просек всю эту учебную кухню, то больше думал не об экзаменах, а о том, как бы мне снова уединиться с Евой у нее на хате, или еще – где. При первой же встрече я хотел немедленно предложить ей нечто подобное, но произошло непредвиденное. Завидев Еву издалека, я поджидал ее возле дверей школы. Она шла легкой стремительной походкой, будто бы едва касаясь подошвами своих чудесных ножек этой бренной земли. Невольно любуясь ею, в тот миг я буквально боготворил эту девушку. Она казалась мне ангелом во плоти. Даром, посланным мне свыше. «За что мне – такая награда?» – с немим удивлением и восторгом думал я. Поэтому, даже, несмотря на то, что произошло между нами, продолжал немного смущаться ее. Когда же она приблизилась, я сделал шаг навстречу и приветливо кивнул ей. Увы, это показалось мне больше, чем странным, но в ответ, Ева, холодно посмотрев на меня, молча проследовала мимо. На миг я словно остолбенел. Ле-

дяной пот прошиб меня с головы до пят.

– Ева! – не особенно громко, но так, что в голосе моем она не могла не услышать нотки непритворного удивления, испуга и даже отчаяния, кликнул я ей вослед.

В этот момент входная дверь за ней захлопнулась.

– Вот ...! – выругался я.

Хорошо, что тогда никто меня не слышал.

Сидя в классе, я постоянно буравил глазами затылок Евы, которая располагалась за партой впереди меня. Видимо, ощущая на себе этот взгляд, пару раз она даже оглянулась и хмуро посмотрела в ответ. На переменах я не однажды пытался подойти к ней, чтобы заговорить, но она по-прежнему игнорируя меня, уходила прочь вместе с неотступно сопровождавшими ее подругами. «Да, что с ней – такое?» – в горькой досаде недоумевал я.

Я вместе с Евой вышел из класса после занятий и так и следовал, точно побитая собака, чуть позади нее до тех пор пока мы окончательно не пересекли школьный двор, а потом не оставили его далеко позади себя. Тогда, наконец, прибавив шагу, и, поравнявшись с ней, я дал выход обуревавшим меня чувствам.

– Ты издеваешься надо мной, да? Издеваешься? Или это – злая шутка? Никак тебя не пойму! А, может быть, между нами все кончено?!

Видимо, обида так переполняла меня, что я не придумал ничего лучшего, кроме, как накричать на Еву. Она вдруг

неожиданно остановилась и, круто повернувшись на каблучках, оказалась лицом к лицу со мной. В этот миг я пожалел, что минуту назад был с ней чересчур груб, так как в глазах ее увидел застывшие слезы.

– Ты, наверное, прав! – сказала она, через силу улыбнувшись. – Для нас обоих будет гораздо лучше, если все закончится теперь же...

И Ева стремительно направилась прочь. Мы были уже метрах в пятидесяти от ее дома. Невольно провожая мою возлюбленную взглядом, я увидел, как калитка распахнулась, и со двора, в котором с определенных пор мне были знакомы каждое деревце и каждый куст, вышла какая-то белокурая девушка в белой блузке и джинсах. Она бросилась навстречу Еве, точно они давно не виделись, и обвила ее шею длинными тонкими руками... Вскоре калитка за ними захлопнулась.

Еще некоторое время я неподвижно стоял на месте, то ли осмысливая сказанное мне Евой, то ли глупо надеясь, что она вдруг, сменив гнев на милость, чудесным образом выпорхнет из своей усадьбы, как ни в чем не бывало, приветливо махнет мне рукой. Воображение тщетно рисовало мне радужную картину, поскольку в действительности ничего подобного не происходило. При этом сердце мое ныло и буквально разрывалось на части. «Неужели я влюблен? – думал я. – Так влюблен, что, кажется, не способен пережить ссоры с Евой? А – что, если и вправду у нас с ней все кон-

чено? Нет, этого не может быть! Пройдет день, два и прежние отношения вернутся на круги своя...» Мне так хотелось в это верить, что лишь на миг, представив себе, что все могло произойти совсем иначе, я едва не прослезился.

Понуро бредя вдоль улицы, и вместо того, чтобы наслаждаться чудесной панорамой весны, тупо глядя себе под ноги, я вдруг едва не столкнулся нос к носу... С кем бы вы думали? Оторвав взгляд от пыльной деревенской стези, я внезапно обнаружил прямо перед собой... Мать Евы!

– На ловца – и зверь!.. – изрекла она мрачным тоном, не предвещавшим мне ничего хорошего.

– Здравсте, тетя Дань! – сделал вид, что ее «приветствие» не показалось мне странным, сказал я.

– Простынь-то, что на Евкиной кровати испоганил, сам стирать будешь или мне в суде ее представить, как улику?..

– Какую улику? – сделал удивленное лицо, поначалу даже опешил я.

– Такую, что ты, негодяй, изнасиловал мою дочь!

Ее слова, точно обухом, шандарахнули меня по голове. Почувствовав ужасную сухость во рту, я в ответ не мог произнести ни слова. Словно замороженный смотрел я в злющие глазки этой женщины, прежде всегда такой приветливой и доброжелательной, и мне казалось, что вот-вот она, точно большая дикая кошка, пружинисто изогнувшись, бросится на меня и вонзится когтями и зубами мне в горло!..

– Ну, гаденыш этакий, молись богу, чтобы моя Евка не за-

брюхатела!.. Иначе, кранты – тебе! Кранты! Так и знай... Понял?!

И женщина, с трудом сдерживая негодование, от которого лицо ее ужасно покраснелось, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, в бешенстве размахивая руками, удалилась прочь.

– Сынок! Как же ты мог на такое?.. Как? У меня в голове не укладывается! – накинулась на меня мать, едва я переступил порог.

Волосы у нее были растрепаны, руки мелко и часто тряслись. Она, не отрываясь, смотрела на меня, и в ее взоре читались то боль и гнев, то надежда и отчаяние.

– Неужели это – правда? Ответь мне сейчас же! Ответь!

Скинув обувь, я прошел в комнату и устало опустился на стул.

– Какая правда?! О чем ты говоришь?

– О том, что я недавно слышала своими ушами!..

– И ты веришь всему, что тебе скажут?

Наконец, взгляды наши встретились.

– Что же мне остается, по-твоему, когда в дом ко мне врываются и поносят меня и моего сына самыми последними словами?! А потом еще и угрожают посадить тебя в тюрьму! А то и – того хуже...

– Да, ничего они не смогут сделать, мать! Пошумят, пошумят, да, перестанут!..

– Хорошо, коли так!

– Ты больше не пускай ее в дом! Родительницу Евкину... Не должна она на тебе отыгрываться. Злобу свою срывать. Ты – здесь, ни причем! Я – уже сам взрослый. Разберусь, что – к чему!

Мать часто захлюпала носом. Не в силах больше сдерживаться, она вдруг уткнулась лицом в ладони. Вслед за глухими стонами горькие рыдания вырвались у нее из груди.

– Да, будет тебе, мам, сырость зря разводить! Будет!

Жалость кольнула меня в самое сердце. Я подошел к матери и, нежно обняв ее, не отпускал до тех пор, пока она не перестала вздрагивать всем телом.

– Ну, вот и – ладно! Вот и – хорошо!..

– Что ж – хорошего?

Пожилая женщина оторвала мокрое лицо от ладоней.

– Сам знаешь, каково мне такое выслушивать!.. А эти люди. Они – на все способны. Вон мужик-то у нее сидел! И причем – не раз. То – за разбой... А в последний раз – за убийство!..

– Так, ведь оправдали! Сама же знаешь... Не его это было рук дело!..

– Как же – не его!..

Женщина горько усмехнулась.

– Еще как – его! Судье на лапу дал, вот и отмазали убийцу. А то, что он таковой и есть, это у него на роже написано.

– Ну, даже, если и написано! Подумаешь... Велика важность! – небрежно фыркнул я.

Но не оттого, что в действительности так думал, а, скорее, затем, чтобы хоть немного успокоить мою мать.

– А – что, если он узнает про то, что ты с его ненаглядной дочуркой сотворил? Теперь-то уж, наверняка, не только он узнает... У нас тут все и про всё – в курсах. А за такое безобразие, теперь пересудов и мне, и тебе, и той девчонке... До конца жизни хватит!..

– Да, ничего я не творил! Пойми ты, наконец! – не на шутку вскипел я. – Она сама так захотела!

– Захотела!

Женщина, не в силах что-либо возразить сыну, пожала плечами.

– Мало ли, чего она захочет! А у тебя голова – на что?.. Чтоб шее, чем вертеть было?

Всю неделю, что оставалась до экзаменов, я безвылазно проторчал дома, добросовестно штудировав учебники, и часами просиживая над решением примеров и задач. Прежде я не уделял этому столько внимания. А теперь, впервые мне это было не особенно в тягость. Надо же было хоть чем-то скрасить мое одиночество. Видеть я никого не хотел. К тому же моя запоздавшая тяга к знаниям, вызванная экстренной необходимостью, в значительной степени отвлекала меня от мыслей о Еве. Я не то, чтобы сердился на нее за то, что, наверное, из страха перед своей матерью или, желая выглядеть в ее глазах пай-девочкой, она меня попросту оболгала. Да, и было ли это с ее стороны ложью? Что, если тетя Гла-

ша, как следует, надавила на дочь и заставила ее признаться в том, чего не было на самом деле? Лишь бы со стороны все выглядело не так, как это вдруг предстало ее взору, а гораздо пристойней. Пристойней относительно всего того, что касалось ее дочери, поскольку в случившемся тетя Даша винила только меня! Как бы то ни было, я не осуждал Еву и ее мать за ту неблагодарную роль, которую они отвели моей персоне. Я вообще не хотел копаться в этом грязном белье насквозь фальшивой нравственности, которой прикрываются моралисты, боясь, что их уродливая сущность однажды предстанет перед всеми в своем истинном свете. Как бы не претила моему естеству та ересь, которую высказала мне в лицо тетя Даша, в моем сердце не было места для ненависти по отношению к ней. Более того, не смотря ни на что, я по-прежнему любил и, как мне казалось, не безответно. Поэтому я ждал новой встречи с Евой, словно самого главного экзамена в моей жизни. Мне думалось, что если я выдержу его, в том смысле, что не уроню себя в ее глазах, как мужчина, а значит, не опущусь до всякого рода претензий, а тем более, оскорблений в ее адрес, то наградой мне будут жаркие поцелуи, тонкая талия и упругая девичья грудь. И еще – голос! Голос Евы, который я не мог спутать ни с каким другим и который проникал мне в самую душу. Когда я слышал его, у меня словно все переворачивалось внутри. Все клетки моего существа сладко ныли и готовы были безвозвратно раствориться в Еве, заполнив собой вакуум, в кото-

ром, точно в коконе, тщетно томилась ее душа, готовая вот-вот из неподвижной гусеницы превратиться в легкокрылую, беснующуюся от ощущения пьянящей свободы при каждом взмахе крыльев, бабочку! «Ну, что мне с тобой делать? Просто жить без тебя не могу!» – так и стояло у меня в ушах, когда я затемно засыпал и с первыми лучами солнца просыпался. Поэтому я ни на грош не верил тому, что мне предъявила тетя Даша.

– Дура – она! Старая глупая корова! – невольно вслух вырвалось у меня перед тем, как я услышал легкий скрежет и затем барабанную дробь по моему стеклу.

Вскочив с кровати, я бросился к окну. Уже вечерело, и вдаль виднелась ярко-красная полоса горизонта.

– Ева!

За окном стояла она! Ее волнистые темные пряди падали на слегка оголенные худенькие, почти детские, плечи. В ее лице и облике было что-то чрезвычайно притягательное. Сознавала ли Ева ту власть, какую имела надо мною? Словно, с изящной легкостью метнув в воздух невидимое лассо, она сделала меня своим рабом до конца жизни. И я вынужден был, след в след повторяя ее шаги, идти в том же направлении, что и она. Я не мог поступить иначе. Ева походила на сочный спелый плод на ветке фруктового дерева, покрытый капельками утренней росы. И этим все сказано!..

– Выдь, что ли! – позвала она, когда я приоткрыл оконную створку.

– Для чего? – нарочито грубо спросил я.

– Что, сдрейфил?

Она сказала таким тоном, что это с полуоборота завело меня. Между нами словно произошел электрический разряд. Более не мешкая, я растворил окно настежь, и одной рукой схватил с пола табурет. Все еще находясь по ту сторону оконной рамы, и, крепко держа меня за руки, Ева вначале встала на табурет, а потом взобралась на подоконник. Дальше все случилось само собой. Дверь в мою комнату была плотно закрыта. Так, что моя мама не могла даже догадываться о том, что в это время происходило в ней. Она думала, что я упорно готовлюсь к завтрашнему выпускному экзамену. Что ж, на мой взгляд, именно так все и было на самом деле. Несмотря ни на что, мне так хотелось доказать мою преданность и любовь Еве, что, как мне кажется, тогда я более, чем справился с этой задачей. Ослепленный ответным чувством и близостью Евы, я не предполагал, насколько быстротечным и иллюзорным может быть счастье, эгоистичной и коварной женская любовь. Жестокой – расплата за ошибки, которые так часто мы совершаем в молодости не по злому умыслу, а скорее по собственной глупости и из-за всякого рода каверз непонятной судьбы!..

III. Марго

Следующие дни в той части, где открываются новые страницы моего любовного романа, протекали столь же насыщенно и бурно. Я и Ева встречались почти каждый вечер, когда на деревню опускались сумерки, скрывавшие нас от посторонних глаз. Мы отправлялись то в близлежащий лесок, то на сеновал, где прело прошлогоднее сено. А то попросту находили укромное местечко где-нибудь в усадьбе ее дома, чтобы в случае чего она могла незаметно юркнуть в него, взобравшись в окно, или – через сенцы. Иначе тетя Даша могла заподозрить неладное... А я, перемахнув через забор, не мешкая, отправиться восвояси!.. Так продолжалось до самого выпускного вечера, пока в гости к Еве вновь не нагрязнула ее сестра из Москвы.

Это была та самая блондинка, которую в короткую размовку с Евой я успел заметить возле ее дома.

– Ты знаешь, я не удержалась и все рассказала Марго про нас! – сообщила мне Ева при новой встрече.

Я внимательно посмотрел на нее, почувствовав, что она что-то не договаривает.

– Ну, и что?

– Как это – что?

Я неопределенно пожал плечами.

– Что тебе сказала твоя сестра?

Ева исподлобья метнула в меня взгляд, словно пытаюсь наперед угадать, какую именно реакцию во мне вызовет то, что она хотела сообщить. При этом словно легкое облачко мелькнуло на ее лице.

– Когда я назвала ей твоё имя, она засмеялась!.. Вот – стерва! Представляешь?

Я презрительно хмыкнул.

– Что же смешного она нашла в моем имени?

– Да, я и сама сперва никак не могла этого понять... Марго всегда казалась мне чересчур странной. А теперь и вовсе я приняла ее выходку за полный идиотизм. Я подумала, что, возможно, столичная жизнь сделала ее такой. И высказала сестре мое мнение на сей счет.

– А она?

– Она расхохоталась еще сильнее прежнего! После этого мне даже захотелось съездить Марго, от которой у меня никогда не было секретов, и которая всегда делилась своими тайнами со мной, по физиономии.

– Гм...

– Ты что завидуешь? – хмуро поинтересовалась я. – Наверное, твои московские хлыщи поймали тебя не раз, вот ты и решила выместить свою обиду!

Марго, перестав смеяться, с удивлением посмотрела на меня.

– Какую чушь ты несешь!

– В отношении тебя я веду себя гораздо пристойней,

чем ты, лапушка! – с вызовом ответила я.

Но Марго, быстро овладев собой, лишь устало махнула рукой.

– Да, что ты знаешь вообще?..

– Так, расскажи! Но прежде все-таки объясни мне, наивной деревенской дурочке, чем был вызван твой истерический смех?

Марго виновато улыбнулась.

– Ты прости меня, Ев! Что-то и впрямь в последнее время с нервами у меня – не в порядке.

– Вот то-то и – оно!

После того, как Марго призналась в том, что вела себя несколько не подобающим образом, у меня словно гора с плеч свалилась. Я боялась, что, посмеявшись надо мной и моими чувствами к тебе, она сболтнет что-нибудь лишнее маме, которую я со слезами на глазах уверила, что с тобой у меня все раз и навсегда покончено! Желая убедиться в том, что Марго не выдаст меня, я захотела до конца узнать об истинной причине ее смеха. К тому же заурядное любопытство и досада на мою сестру никак не давали мне покоя.

– Да, нет ничего проще! – воскликнула Марго, видимо, и сама уже пожалев о том, что невольно задела мое самолюбие. – Ты – что, и впрямь ничего никогда не слышала об Адаме и Еве и истории сотворения мира?

– Слышать-то, слышала, но даже не предполагала, что старинное предание – чем-то сродни анекдоту, и, что над ним

можно без продыху ржать!..

Губы Марго вновь, было, искривились в усмешке, или мне так только показалось, потому, что в дальнейшем тон, каким она излагала свои мысли, был более, чем серьезным.

– Да, не в предании – дело, а в том, что ты и твой парень... Вы – тоже Адам и Ева!.. Я, когда представила вашу захолустную и всегда пьяную деревню, дворы в которой каждый год редуют, мне просто не по себе стало. Извини, смех поневоле разобрал! Тут еще название вашего села мне на ум пришло. Кучино! Согласись, Эдем с таким названием, где проживают влюбленные друг в друга Адам и Ева, не может не прикалываться!

Ева сердито насупилась.

– Да, ты сама-то давно из этой кучи фекалий, точно жук навозный, выкарабкалась?.. Жучара столичная, вот ты – кто!

На этом наш разговор закончился. Марго, хоть и ничего тогда не возразила в ответ, но, наверняка, затаила обиду.

– Ну, затаила и, что – с того?..

– Завидует она мне! Носом чую, завидует. С детства такой была. У кого чего увидит, ей то же самое непременно подавай!

– Плевать! Пусть завидует. Пусть хоть лопнет от зависти! Тебе-то – что?

Ева хитро прищурилась.

– Завтра – выпускной! Давай ее с собой на всю ночь гулять позовем. Компашка – у нас, что надо! С Пахой познакомим

или Дениской... Пускай Марго с нами по полной или хотя бы наполовину оттянется. Глядишь, тогда и дуться на меня перестанет. Она ведь не просто так сюда приехала. А с определенной целью.

– С какой еще, целью?

– В Москву мы с ней на днях едем! В Вуз поступать. Точнее, поступать буду я, а Марго будет неотступно сопровождать меня, поскольку до сих пор Москву я зрела лишь по ящику.

– Ты, это – серьезно?

– Еще бы!

– А как же – я?

– А, что – ты?

Надо сказать, признание Евы стало для меня полной и довольно неприятной неожиданностью.

– А, как же – наша ...?

Ева озорно хихикнула.

– Тебе лучше знать! Ты ведь – мужчина!..

Я привлек ее к себе и стал жадно целовать в губы. Она не сопротивлялась. Я тогда и предположить не мог, что это было наше последнее свидание, когда она соединилась со мной по доброй воле или по собственной прихоти. Так же, как это случалось не единожды до этого.

– Хочешь, я познакомлю тебя с моей сестрой? – спросила она, когда мы очутились неподалеку от ее дома.

Вскоре Ева и Марго уже приближались ко мне, спеша под

густую сень лиственных и хвойных деревьев, почти вплотную примыкавших к частым деревенским дворикам с южной стороны.

Остановившись шагах в трех, Марго принялась пристально разглядывать мою персону, в то время, как Ева, не обращая на сестру внимания, приблизилась ко мне вплотную. Я почувствовал, как ее губы, точно пламя свечи, ожгли мою щеку. Но это было не больно, это было даже больше, чем приятно!

– В натуре, Адам! – со знанием дела сквозь зубы процедила Марго, как будто бы вполне уяснив для себя, с какого рода экземпляром мужской особи имеет дело ее сестра.

Наконец, сбросив с себя высокомерную маску столичной цацы, блондинка, смело шагнув ко мне навстречу, протянула для знакомства руку.

– Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что ты вполне годишься, чтобы зачать род человеческий во второй раз. Ваше Кучино, все одно – ни в какие ворота! Да, и не одно ваше богом забытое село! Только, чтобы прирост населения обеспечить и его генофонд до нужного уровня поднять, тебе придется не коров осеменять, а женщин...

Я хотел что-либо возразить Марго, но неожиданно для себя, сделавшись совершенно пунцовым от смущения, лишь через силу улыбнулся.

– Что за ересь ты буробишь? – с удивлением глядя на сестру, воскликнула Ева.

Блондинка невозмутимо тряхнула локонами, и, достав сигарету из сумочки, небрежно перекинутой через ее плечо, с которой она никогда не расставалась, молча затянулась.

– Я тебе потом все объясню!.. – сказала она, обращаясь к сестре.

– Ну, нет! Говори теперь же...

Ева воинственно подбоченилась. Казалось, еще немного и она вцепится в белоснежные локоны Марго, чтобы выдрать их с корнями. Но, как видно, Марго была еще та штучка.

– Ну, если ты настаиваешь!.. И оставь, пожалуйста, свой угрожающий тон при себе, иначе не видать тебе никакого института, как и броши, что у тебя на затылке.

– Ах, так! Вот ты – как со мной, сестрица дорогая!

Было очевидно, что Еве с большим трудом удавалось держать себя в руках.

– Сначала посмеялась над моим бедным Адамом, а теперь отбить его у меня хочешь?

– Да, нужен он мне был!

Марго презрительно поморщилась.

– Не обо мне – речь!

– А – о ком же?

– Это – уже не важно... Раз тебе, твой хахалек – дороже всего на свете, тогда я отказываюсь вести с тобой разговоры на эту тему. Останавливаемся на том, что я помогаю тебе поступить в институт, какой ты сама для себя выберешь, и – точка. Дальнейшую свою судьбу ты устраиваешь сама. Ведь

мы говорили лишь об этом до того, как ты познакомила меня с Адамом? Ведь так?

Ева согласно кивнула. Казалось, что она вот-вот готова расплакаться. Непонятно, то ли сжалившись над ней, или же просто из лицемерного расчета, Марго вдруг сменила гнев на милость. Она широко улыбнулась, раскрыв для Евы свои объятия. Смахнув со щеки предательскую слезу, та без задней мысли последовала мятежному порыву своей наивной души и в свой черед обняла милую сестрицу, которая, если это было выгодно ей, вероятно, могла без особенного труда расположить к себе даже черта.

Лишь после благополучного примирения сестер, ссора которых несколько рассеяла мое внимание, я, наконец, как следует, рассмотрел Марго. По виду она казалась старше Евы. Но, какова их разница в возрасте, я точно не мог определить. Блондинка была шикарной особой. Ее великолепный прикид не шел ни в какое сравнение с тем, во что одевалась Ева. А фигура!.. Вместе с тем во всем облике Марго было что-то аристократическое. Как говорят в таких случаях, несомненно, она являлось особой, сделанной из весьма тонкой кости. В ее серых глазах светился ум, а в манере держаться ощущалось достоинство леди из высшего света. Без преувеличения могу сказать, что эта великолепная молодая женщина при желании легко пробудила бы живой интерес к себе в любом из смертных, населяющих эту грешную планету. При этом, она вряд ли стала бы его рабыней, а скорее предпочла бы

роль госпожи.

Когда мы вплотную приблизились к деревянному забору, я заметил за ним иномарку желтого цвета.

– Это – тачка Марго! – развеяла мои сомнения Ева.

В своем проявлении сестринской любви, она была столь непосредственна, что, как мне казалось, при всей неотразимости Марго природная живость и обаяние Евы несомненно брали верх над какими бы то ни было достоинствами снизошедшей до бедной родственницы гостьи из столицы. Этого у нее нельзя было отнять. В противном случае это была бы уже не Ева. Как мне думалось тогда, моя Ева... Моя любовь!

Однако в этом мире нельзя с точностью утверждать, что именно принадлежит тебе, а что – нет. Даже, если это касается частей твоего собственного тела или твоего образа мыслей и твоей души...

IV. Выпускной бал

Когда, наконец, мы вырвались из душной одноэтажной школы, больше похожей на конюшню, именно тогда-то и началось настоящее веселье. Я и мои кореша Паха и Дениска, а по-нашему – Пашня и День, а также Ева и Марго, незаметно ото всех шагнули в ночь, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Спасибо тебе, Марго! – не замедлил я с благодарностью старшей сестре за то, что благодаря ей тетя Даша, неусыпно следившая за поведением дочурки на выпускном балу, сразу же за полночь отчалила восвояси.

Оставив Еву на поруки Марго, она взяла с нее слово, что через час, другой они непременно будут дома.

– Ну, что вы, тетя, Дань! – хладнокровно ответствовала Марго. – Вы ж меня не первый день знаете. – К тому же завтра, вернее, уже сегодня, я в Москву отчаливаю и Еву беру с собой.

– Неужто, тебе – туда к спеху? Погостила б у нас еще день, два, а тогда и езжайте на здоровье!..

Как видно, всем сердцем любящая свое дитя мамаша, беспokoясь о судьбе дочери, в то же время не очень-то хотела ее от себя отпускать. Она прекрасно понимала, что Еве нужно высшее образование. Перспектива – на будущую жизнь. Но так же не без основания полагала, что Москва – не всякому по зубам. Уж, больно огромный – это город. Суетный.

Опасный и беспринципный. Там всякое может быть! Кому-то столица – на пользу, а кого-то ломает так, что потом человек веру в себя навсегда теряет. Как ни крути, город этот – то же, что и палка о двух концах.

– Ну, что, День, у тебя все готово? – поинтересовался я.

– Как видишь! – согласно кивнул тот и зажег фонарик.

«Зайчик» резво заплясал на колдобинах сельской дороги, и мы дружной гурьбой, предвкушая удовольствие от предстоявшей гулянки, ломанулись по ней на окраину села. Туда, где на отшибе пустовал дом родственников Дениса, которые не так давно уехали искать лучшей жизни в другой город. В какой – именно, он не сказал. А я не спрашивал. Там, мол, и зарплата сносная, и служебную квартиру на первое время переселенцам предоставили.

Позвякивая ключами, которые День изъял, конечно же, с ведома своих предков, которым родственники перед отъездом оставили их, чтоб было, кому приглядывать за хатой, он отпер двери. Сперва – наружную. Потом – ту, что в сенцах. Переступив очередной порог, Денис включил свет, и гости проследовали за ним.

– А ничо – хата! – сходу одобрил Пашня.

Дом и в самом деле был довольно большой и насчитывал три комнаты и кухню и, что немаловажно, посредине самой просторной из них уже стоял накрытый стол. Снедь, что отягощала его, в основном состояла из деревенских холодных закусок, начиная от соленых помидоров и огурцов со стажем,

то есть прошлогоднего посола, и заканчивая свиным салом.

– Это – Нинка, жена моего брателлы, расстаралась! – не без важности заметил Денис, обнаружив приятное удивление на лицах товарищей. – А вы, что думали, я, куда попал, вас приволоку? Ну, уж нет! Кто знает, ребята, что завтра случится? Может, судьба разбросает нас по свету? Так надо пользоваться моментом, пока мы вместе, и, как полагается, отметить это событие. Как никак, а столько лет друг друга знаем!..

– Ладно тебе языком чесать, День! – оборвал его Пашня, не выносивший сантиментов. – Куда самогон затырил, что я тебе вчера вечером передал?

Денис кинулся к выходу, видимо, надежно припрятав бутылку с первачом в каком-нибудь тайном местечке за пределами хаты. Например, за вязанкой дров дальнем углу сарая. Бдительная родительница Дениса, наверняка, уже посещала ее для порядка, и, не обнаружив в ней ничего лишнего, успокоилась. По лукавой усмешке на лице Евы я догадался, что наши мысли совпали. И – немудрено! Все родители настолько одинаковы, что зачастую их шаблонное поведение нетрудно вычислить.

– Ты бы чересчур не задерживался, сынок! – как всегда, деликатно наставляла меня мать перед тем, как я в последний раз наострил лыжи в школу, чтобы получить диплом.

– Так, ведь – выпускной бал, ма! Это один раз в жизни бывает... Поэтому раньше, чем под утро, ты меня не жди!

– Видать, там и краля твоя будет! Евка эта! Мало ты от нее горя схватил? Еще схватишь, если будешь за ней, как кобылий хвост таскаться!

– Да, будет тебе, ма, каркать на манер ворон!..

Я вспомнил, как мама вперила в меня свой взгляд. Было в нем что-то безысходное и ужасно тоскливое. Непонятная тревога на миг охватила меня. Точно в тиски сжала. Но я тряхнув головой, тотчас отогнал от себя не подходящие для предстоящего торжественного случая мысли.

– Недоброе предчувствие – у меня, Адам!..

Но я уже хлопнул дверью избы и, как ветер, помчался от нее прочь. Так, словно я и не слышал слов моей матери, которые помимо воли сорвались с ее уст мне вдогонку. Или не придавал им значения. И лишь позднее память мне услужливо напомнила о них, чтобы сделать больнее.

– Ну, и – чо за тормоза?

День первым поднял свой стакан.

Глядя в горящие, словно две черные жемчужины глаза Евы, я влил в себя самогон. Она последовала моему примеру. Пацаны, вероятно, бравирова перед Марго, после первого, потом второго стакана демонстративно не закусывали. Держались, как могли. Затем втюхали переносной маг, и наперегонки кинулись приглашать столичную девушку на танец.

– Идите к черту! Я не танцую! – как могла, отбивалась от них Марго.

Но пацаны от нее не отставали, поэтому ей все-таки при-

шлось подняться из-за стола и вихлять задницей в угоду деревенским дурням. «Ну, я вам покажу, недоумки!» – скорее всего, решила про себя она, потому, что едва Паха и Денис отошли по надобности, краем глаза я заметил, как столичная штучка плюхнула им что-то в самогон.

Возможно, что мне так только показалось, так как я уже к тому сроку порядком поднабрался. Но тогда я не придал этому особенного значения. Лишь потом, анализируя все, что произошло той ночью, я сделал для себя вполне определенные выводы. Помню только, как Паха и Денис вернулись к столу, и мы вдарили еще по одной, но уже без девчонок, поскольку теперь настала их очередь подышать свежим ночным воздухом. После этого пацаны уснули мертвецким сном, уткнувшись носом прямо в тарелки со всем, что в них было, а я напрасно прождав Еву и Марго более получаса, наконец, решил выйти на крыльцо, чтобы узнать, в чем там – дело.

– Ева, Марго! – позвал я, взглядываясь в темень. – Что – за шутки, девчонки?

Но в ответ я не услышал ни звука. Только сходя с крыльца, я почувствовал, насколько был пьян. Не рассчитав шаг, и едва не навернувшись со ступенек лицом вниз, я устоял на ногах лишь потому, что вовремя ухватился рукой за перила. Скверно выругавшись, я упрямо продолжил поиски Евы и Марго, хотя понятия не имел, в какую сторону мне было лучше двигаться, чтобы поскорее отыскать их. Поэтому, выйдя со двора, я побрел в направлении села, спотыкаясь

о каждую кочку, что попадалась мне на пути. В результате их оказалось намного больше, чем я предполагал об этом прежде.

– Ева, Марго! – орал я, как ненормальный, пока не ощутил, как чья-то, словно свинцом налитая, ладонь легла мне на плечо, вероятно, пытаясь помешать моей ночной прогулке. Тряхнув плечом, я попытался высвободиться.

– Ах, ты, сучонок! – прозвучало почти возле самого моего уха. – Предупреждали тебя по-человечьи, чтоб не безобразил!.. Так, нет, ты – опять за свое!..

Слегка протрезвев, я неуклюже обернулся, чтобы увидеть того, из чьих уст в мой адрес прозвучали так мало приятные для моего слуха реплики. Как бы я не был пьян, я успел различить во мраке три мужских силуэта. Что-то невольно дрогнуло у меня внутри от предчувствия беды. Оглушенный, я рухнул навзничь прямо посреди дороги, вдоль которой располагались рядками Кучинские хаты, очертания которых едва различались во тьме. Удары продолжали сыпаться на меня со всех сторон. Я пытался закричать, но не мог, словно на шею мне накинута петлю, и она стянула мое горло, не давая исторгнуть ни звука. Душа моя с невероятной скоростью уменьшаясь в размерах, превратилась в крохотную точку, пока ее связь с моим сознанием окончательно не оборвалась!..

Говорят, ад – это то, куда попадает грешник после жизни. Вот только как бы он отличил его от рая, если бы не испытал,

что это – такое, уже здесь, на земле? Видимо, я – тот человек, которому подобное удалось в полной мере.

Однажды утром, ощущая ужасную ломоту в висках и во всем теле, пробудившись на кровати, так мало походившей на мою собственную, я оторвал голову от подушки и осмотрелся кругом. В тот миг я, чуть было, не сошел с ума!

– Мама! – позвал я негромко, так как голос мой был еще слаб.

В комнату вошла женщина, в которой я узнал нашу ближайшую соседку. Дом ее располагался сразу по левую руку от нашего.

– Третьи сутки подряд спишь беспробудно, сынок! – с жалостью глядя на меня, сказала тетя Ольга. – Может, покормить тебя, попоить чем, или еще чего желаешь? Ты говори, не стесняйся!..

С удивлением глядя на нее и, ощущая, как все лицо мое ноет от ссадин, а каждая клеточка моего естества готова волком взвыть от тупой ноющей боли, я не знал, что ей ответить. В досаде, морща лоб, я пытался припомнить, что случилось или могло случиться со мной до того, как я очутился в чужой кровати.

– Как я здесь ...? – с трудом выдавил я из себя.

– И вправду ничего не помнишь?

Я едва заметно качнул головой, не отваживаясь на большее, поскольку что-то, похожее на невидимую стрелу, словно пронзило ее насквозь. Охнув, я осторожно приложил

к виску ладонь, ощутив ею шероховатую поверхность бинта.

– Здорово тебя отделали! Поди, за Евку по пятое число тебе всыпали?

И не дожидаясь из моих уст какого-либо вразумительного объяснения, она сделала свои собственные выводы за меня.

– Неправильно – это! Никто не имеет право мешать любви. А ей – все возрасты покорны... И к тому же, если бы человек жил вечно, тогда можно было бы со всеми этими амурными делами не торопиться. А ведь век-то – короткий. Вот мне уже полтинник, а будто бы вчера родилась! Пол жизни минуло, а я и не заметила. Не заметила потому, что нечего особо было замечать, кроме нищеты да серости, которые точно преграда какая, всю живописную панораму от глаз моих всегда скрывали. Может, это – и в порядке вещей, кто знает! Когда все – сильно хорошо, тоже – плохо. Ничего не хочется! Не о чем мечтать и нечего добиваться!

Проведя рукой по щеке, соседка небрежно смахнула рукой слезу, словно и, в самом деле, то, о чем она говорила, того не стоило.

– Почему я – здесь? – снова повторил я свой вопрос. – Где – моя мама?

Соседка, заметно переменившись в лице, отвела взгляд.

– А ты привстань с кровати, если, конечно, сил у тебя хватит, да глянь в окно! – негромко произнесла она. – Тогда тебе самому все ясно станет...

После этого женщина спешно удалилась в кухню. Из мо-

ей комнаты я слышал, как, видимо, не на шутку расчувствовавшись, она часто шмыгала носом и сморкалась в носовой платок.

Минут пять, а то и больше я и впрямь собирался с силами, чтобы последовать совету тети Ольги. Сердце мое тревожно билось, всяческие сомнения одолевали меня. Наконец, превозмогая боль во всем теле, и ощутив лопатками металлическую спинку кровати, я обратил свой взор в нужную сторону. Мне было достаточно лишь одного брошенного мельком взгляда, чтобы мгновенно все понять!.. Глухой стон вырвался у меня из груди. Это – все, на что в тот момент я оказался способен, тогда как мне хотелось дико кричать, истерически рыдать, нещадно рвать на себе волосы и биться головой о стенку, взывая к справедливости! Проклиная тех, кто заставил меня испытать подобное! Тех, чья рука посягнула на самое святое, что может быть у человека. На его родной кров и... На его мать! В тот миг мне казалось, что вместе с домом и заживо сгоревшей в нем матерью, сожгли и меня самого. И хотя физическая оболочка все ж таки уцелела, то, что наполняло ее, походило теперь на потухшие обугленные головни.

Пересилив себя, я вновь посмотрел в окно. Туда, где на выжженном клочке земли вместе с останками самого дорого мне существа покоились горы золы и пепла, часть из которых уже развеял ветер.

Глава вторая.

Возрождение из пепла

І. Погорелец

– Ну, что, парень! Плохи – твои дела... Совсем плохи! Участковый в милицейской форме, которого я видел лишь однажды в жизни, и то мельком, сидел теперь за столом в той самой комнатке, где наша соседка, точнее уже бывшая соседка, по доброте душевной определила мне место на собственной кровати для зализывания ран. Себе же она поставила раскладушку в смежке.

– Что – верно, то – верно! – равнодушно согласился я.

Мне было абсолютно начхать, что думал на мой счет, этот человек в казенном прикиде. Горе мое казалось мне настолько велико, что, полностью растворившись в нем, я словно не замечал ничего вокруг и с трудом понимал, о чем шла речь. Старлей то ли не догадывался о моем душевном состоянии, то ли полагал, что сочувствие – не его удел. Он задавал вопросы, шелестел бумажками, аккуратно разложенными на столе, и водил по ним ручкой, записывая ход нашей не очень дружелюбной беседы. От него точно веяло холодом. А возможно, меня просто знобило, и я в штыки воспринимал

служителя правопорядка, который, не дождавшись пока я окончательно поправлю здоровье, докучал мне пустыми распросами. Тем более, что, как я уже сказал, в нашем селе он почти не появлялся за исключением тех случаев, когда иного было просто не дано. Например, года два назад, я это отчетливо помнил, в нашей школе повышибали все стекла. Кому подобное безобразие сотворить на ум пришло? Чьи светлые головы посетила эта гениальная идея? Вероятно, в тех головах для серого вещества благодаря матери-природе отводился лишь определенный закуток, но само оно в том закутке напрочь отсутствовало. В отличие от всего прочего, это можно было утверждать вполне определенно... Участковый потыкался, помыкался по школьным лабиринтам. Без толку допросил десятка два свидетелей. А потом махнул на все рукой и вновь исчез из поля зрения сельчан. Но для школы в скором времени выделили средства на покупку новых стекол, а также – для косметического ремонта школы. Кроме того, снабдили десятком новеньких компьютеров... Месяц кряду после подобного ноу-хау директор школы весь светился счастьем, точно новый никелированный чайник!

– Есть предположения, что это – твоих рук дело! – продолжал старлей.

Я посмотрел на него так, точно этот мент являлся для меня местом, куда ходят по нужде, и – не более того.

– Как утверждают некоторые свидетели, ты водил тесную дружбу с Евой Левицкой.

– Ну, и что – с того?

– Отвечай на поставленный вопрос! Дружил с Левицкой?

– Дружил!

При упоминании о Еве сердце мое часто забилося. На лбу выступила легкая испарина.

– При чем здесь – Ева? – спросил я, раздражаясь все больше.

Мало того, что я потерял почти все, что было у меня дорогого, так этот участковый пытался влезть ко мне в душу, чтобы выскрести оттуда последнее! То, что мне самому теперь было просто жизненно необходимо! Это казалось мне верхом кощунства и несправедливости. Именно поэтому я не собирался делиться скудными остатками того, что составляло мою былую сущность, ни с кем. Тем более, с человеком, видящим свой долг не в том, чтобы докопаться до истины, а в том, чтобы нарыть фактов, которые уведут его в противоположном от нее направлении. Я понял это тотчас, едва старлей коснулся моих личных переживаний, как мне думалось, совершенно не связанных с поджогом отчего дома.

– А дай, я тебя чайком побалую, Степаныч! – вдруг, точно по волшебству, возникла перед участковым Ольга Петровна. – А хошь, так чо и покрепче изобразим!

Тот, кисло поморщившись, мельком глянул на нее.

– Нельзя мне, хозяйюшка дорогая! На службе – я... А, впрочем!

Взгляд старлея на градус, а то и два, как будто бы уба-

вил в холоде, точно морозильная камера, дверку которой забыли плотно прикрыть.

– От чаю не откажусь! Вот щас допрошу подозреваемого и тогда... Ставь пока что чайник на плиту, а то у меня и в самом деле в горле – засуха.

– Ну, это – другой разговор!

И хозяйка вновь исчезла из нашего поля зрения. После этого участковый вновь пристегнул меня к собственной довольно мрачной персоне своими «булавками». Так что я ощущал себя перед ним словно громоотвод перед ударом молнии, который казался неотвратим. «И за какие грехи – такая напасть? – с тоской и каким-то, по моему мнению, совершенно нелепым внутренним мандражем, ужасно злившим меня, думал я. – Отчего мне в жизни отведена ужасная роль: страдать за других?»

– Не стану тебя ничем обнадеживать, дружок!.. Кстати, у тебя карманы в штанах, случаем, не дырявые?

– Какие карманы?! Вы это – о чем?

Старлей начинал меня просто бесить.

– Да, все – о том же, гражданин Йовицкий! Отвалят тебе в них такой срок, что не унесешь! Если, конечно...

Голос участкового заскрежетал, точно листовая жесть под ногой ночного вора, осторожно ступавшего по крыше, чтобы через чердак влезть в чужой дом.

– ...не расколешься напополам, точно грецкий орех, и не выложишь всю правду, какой бы хреновой она ни была!

Сердце мое опять тревожно заколотилось, но теперь значительно чаще. Перед глазами все куда-то поплыло. Мне показалось, что еще – немного, и я упаду в обморок. «Ну, и пусть! – с каким-то тайным злорадством мелькнуло в моем затуманенном горем мозгу. – Так даже будет лучше!»

Видимо, я не заметил, как Петровна очутилась возле меня потому, что я вдруг почувствовал, как чья-то теплая и мягкая ладонь коснулась моего холодного и потного лба.

– Впрочем, мне-то – что! – слышал я, как сквозь сон, все тот же, настораживающий и пугающий, скрежет из слов, хватающих острыми когтями за живое, смысл которых, был предельно ясен. – Я свое, что мне предписано по службе, исполнил. Намедни передам бумаги в следственный отдел, а там хоть сено не скирдуй... Преступник, заживо спаливший свою мать, должен быть наказан!

– Я не ...!

Но что-то помешало мне закончить фразу. Видимо, силы мои и вправду были на исходе. И тут мне на помощь опять пришла хозяйка дома.

– Что ж, ты такое творишь, Степаныч! Мальчишке всю жизнь испоганить хочешь?

Ольга Петровна воинственно подбоченилась, образовав по краям внушительного торса два равнобедренных треугольника, и по самые запястья утопив оконечности дланей в не предвзятости своего естества. Приблизившись к участковому и, слегка склонившись над ним, она, точно обломок

скалы, вот-вот готова была обрушиться на того, кто вызывал в ней лишь искреннее негодование.

– А ты-то, здесь – причем, Петровна?! К чему в разговор встречаешь?! – вскипел участковый. – Убийцу выгораживаешь? Он же, сопляк этот, ненавидел мать свою за то, что она счастьем своего сыночка мешала! Запирала его в собственном доме чуть на замок, только чтоб он при ней оставался, а не шашни допоздна с деревенской девкой водил. Видно, страсть как боялась, что к добру это не приведет. Отчим-то Левицкой, когда узнал, что падчерицу его этот похотливый сучонок изнасиловал, так и впрямь убить его грозился! А он – не такой человек, чтобы словами бросаться!.. Так, молодняк этот от проблем разве убережешь?! У них, видите ли, любовь!.. Поэтому, что ему – запреты старших? Он в окно – прыг, и был таков! А бедная мать всю ночь глаз не смыкай да с боку на бок ворочайся. Жди, когда безобразник этот, ее ненаглядный сыночек, под самое утро вместе с матюгами кочетов со свиданки вернется.

– Ты все сказал?

Весь, раскрасневшись от напряжения и ору, участковый достал платок и стал торопливо промокать обильный пот, выступивший у него на лице.

– Так, все бы ничего, если бы родительница Йовицкого однажды не обнаружила в карманах штанов у сынка своего... Конечно, пока тот спал. Маковую соломку!.. Так, вот! После этого взяла она в руки осиноый кол и... Не тем будь

помянута! Царство – ей, небесное! Так его отделила, что тот после неделю, а то и больше, из дому не показывался. Всю охоту до любви мамаша собственному сыну отбила!.. Вот – как, Петровна!

– Враки – все это! Враки!

– Враки, говоришь?!

Степаныч в который раз судорожно утерся платком и, схватив со стола, какие-то листки яростно потряс ими в воздухе.

– Вон у меня – куча документов за подписями людей, что соврать не дадут!..

Затем, спешно сунув эти самые документы в папку, старлей вышел из дому, даже не попрощавшись с хозяйкой.

– Брехун разэтакий! – только и вымолвила Ольга Петровна ему вдогонку. – Вишь, как складно чешет и даже глазом не моргнет. Ему бы романы сочинять, а не мозги людям наизнанку выворачивать...

Тетя Ольга еще долго что-то бурчала себе под нос, поудобнее укладывая меня, поскольку, окончательно обессилив, я так и полулежал бы, упершись в спинку кровати. В этом же положении меня поначалу застал участковый, когда в очередной раз я с тоской и горечью созерцал в окно родное пепелище... Наконец, осторожно приподняв мою голову и поправив под ней подушку, она принялась за одеяло. Ощутив над собой легкое веяние ветерка, я вскоре погрузился в сон.

Примерно через пару, а то и больше, недель после сво-

его первого визита участковый наведалься в дом к Ольге Петровне во второй раз. С видом человека, по его словам, неукоснительно выполняющего свой служебный долг, он принес повестку, по которой я, в качестве подозреваемого, должен был в указанный срок, до наступления которого оставалось с десяток дней, явиться в следственный отдел районной прокуратуры. Заодно Степаныч своими глазами убедился в наличие моей персоны на том самом месте, где мне и полагалось быть. Попросту говоря, старлей лишний раз проверил, не сбежал ли я из села из страха перед наказанием, о котором он меня заранее предупреждал. По всему было видно, что он всерьез взялся за дело и просто так от моей бедной задницы не отлипнет. Это – не то, чтобы чересчур пугало меня, поскольку я виновным себя ни в чем не чувствовал, но наводило на определенные и довольно невеселые размышления.

– Крючоктвор проклятый! – откровенно досадовала Ольга Петровна после ухода участкового. – Нет, чтобы пожалеть сироту, так он дело тебе шьет, сынок! Наверное, выслужиться хочет! Кобель деревенский! Или же в угоду кому старается. Ты-то сам, как кумечишь?

Поставив на стол тарелку дымящегося борща, добрая женщина ласково провела ладошкой по моей голове.

– Садись уже, ешь! А то, остынет...

Минуло около месяца с того момента, как я, сам не желая того, очутился в доме Ольги Петровны. Дела мои шли на по-

правку, и я почти окончательно выздоровел. Если не считать некоторой слабости, которую я испытывал, поскольку совсем не выходил из дому. Восполнив недостаток в кислороде и более активном образе жизни, я вновь стал бы таким, каким я был прежде.

Я поднялся с кровати и сел за обеденный стол, как того хотела Ольга Петровна. Но, видимо, из-за тех мыслей, которые вдруг нахлынули на меня отчасти благодаря визиту участкового, я не испытывал абсолютно никакого голода... Будь, что будет, решил я!..

Незаметно минула неделя... Особенно не парясь по поводу того, что через пару дней мне надо было явиться к районному следователю, я еще какое-то время раздумывал, стоило это делать или нет. Но, по воле случая, все сомнения разрешились сами...

...Вздрогнув, я проснулся от ужасного грохота! Сидя в кровати и, шаря обезумевшими глазами в кромешной тьме, я никак не мог ничего понять. Мне казалось, что я попал прямо в преисподнюю или же в такую тараканью гузку, откуда выбраться мне уже вряд ли удастся до конца моих бранных дней.

Все стало предельно ясно, когда, испуганно вскрикнув, проснувшаяся тетя Ольга впопыхах судорожно щелкнула выключателем. В свете лампы мы увидели то, что нас заставило на миг замереть от ужаса. Одно из окон комнаты было напрочь разбито, а прямо на полу, посреди осколков бито-

го стекла, валялся какой-то зловещий, поскольку мы не знали, каких сюрпризов от него ждать, предмет. Приглядевшись внимательней, мы обнаружили, что это была обыкновенная бутылка с винтовой пробкой. Из-под нее сочилась какая-то жидкость, по запаху напоминающая бензин. Не долго думая, я бросился к ней! Не помню, прошла целая вечность или какие-то мгновенья после того, как я оказался за дверью избы и, обогнув угол дома, швырнул бутылку во тьму!.. Через пару секунд на пустыре, метрах в тридцати позади нашей хаты раздался довольно громкий хлопок, чем-то напоминающий взрыв гранаты, и ночной поселок озарила яркая вспышка!

II. Бегство из Кучино

С Ольгой Петровной мы прощались не долго.

– С Богом, сынок!

Она почти силком сунула мне в руки авоську, видимо, с продуктами, и я, оставив за спиной мое прошлое и гостеприимный очаг тети Ольги, в той мере, на какую он был способен, заменивший отчее пристанище, решительно шагнул прямо в предрассветные сумерки.

Я шел очень быстро, все более удаляясь прочь от родного селенья. Настолько быстро, что вскоре оно окончательно исчезло из вида. При этом я как будто бы совсем не чувствовал усталости. Видимо, страх придал мне силы. В чем крылась истинная причина этого страха, я тогда толком не мог понять. Кого я боялся? Степаныча, который считал меня преступником и грозился упрятать в каталажку? Вероятно, с его появлением в нашем убогом селе стало традицией бить в казенных и жилых домах стекла. Или же на меня повлиял ночной кошмар, свидетельницей коего вместе со мной стала Ольга Петровна? «Каково ей там теперь придется одной?» – думал я, дрожа, точно в ознобе. Наверняка, узнав, что, опасаясь за свою никчемную жизнь, я все же сбежал из села, участковый станет донимать ее ненужными распросами. Хотя, вполне возможно, что именно моего внезапного исчезновения он и добивался, не желая уронить в глазах на-

чальства и кучинцев собственную репутацию. Ведь он утверждал, что это именно я спалил собственный дом и лишил жизни родную мать! Вот – кретин! Если бы выяснилось, что это – не так, ему пришлось бы искать настоящих преступников. А у него на это – кишка тонка. Он может прижать к стенке кого-то лишь, будучи уверен в том, что этот кто-то не даст ему в отместку по зубам. А то и вовсе на тот свет не отправит. Кучино, да, что – Кучино! В этом смысле половина нашей нищей Отчизны для уркагана – просто рай. Вот и творят, что хотят!

Рассуждая подобным образом, я не заметил, как нога моя ступила на твердый грунт. Уже окончательно рассвело, когда мимо меня по трассе с шумом промчалась легковушка. Запоздало взмахнув рукой, я, не сбавляя шага, направился дальше. Еще километров через пять усталость впервые дала о себе знать. Но сколько бы я не пытался остановить, в конечном итоге обдававшую меня гарью, очередную машину, ни одна из них не сбавляла хода. В конце концов, я до поры до времени совсем оставил попытки путешествовать автостопом. Тем более, что в кармане у меня не было ни гроша.

Был уже полдень, когда, сойдя с трассы, я уселся под одним из придорожных тополей немного перекусить. Тогда я снова с благодарностью подумал об Ольге Петровне. О том, что она приютила и выходила меня. Чтобы случилось со всеми нами, не будь таких женщин? Наверное, жизнь в своей зыбкой основе просто сошла бы на «нет», или люди, постепен-

но утратив человеческий облик, превратились бы в диких зверей. Как говорится, откуда ушли, туда и пришли! Где начались, там и кончились!.. Куда-то теперь лежал мой путь? На душе я не ощущал отчаяния или безысходности. Скорее всего, это происходило от сознания того, что в какие бы города и веси не привела меня дорога, другого такого же мерзкого захолустья, как Кучино, точнее, хуже него, не могло существовать на всей земле даже априори.

С этой мыслью я откусил хлеб, сверху которого лежал толстый ломоть домашнего сала. Я принялся, не спеша, пережевывать все это, когда с визгом притормозив, к обочине дороги прижался милицейский «бобик».

– Эй, дружище! – услышал я оклик в свою сторону. – Тебе – куда?

Перестав жевать, и за маской безразличия пряча тревогу, я тупо уставился на человека в форме лейтенанта милиции.

– Мне? – на всякий случай переспросил я, давась тем, что было у меня во рту.

– Ну, не мне же?

Мусор оказался славным малым, и вскоре я мчался вместе с ним по трассе, ничуть не сожалея о том, что едва начав, так и не завершил свой поздний завтрак. В конце концов, никуда он от меня не денется...

– Так, говоришь, к тетке, в Москву?

– Ну, да! К ней...

– А то, москали, сам знаешь, какой народ! Они даже сво-

их не особо жалуют, уж, не говоря о чужих!

Лейтенант был розовощеким и белозубым. К тому же милицейская форма была ему очень к лицу. Своей словоохотливостью и беззаботным нравом он как-то сразу развеял все мои сомнения и страхи. В том смысле, что я интересовал его лишь, как попутчик, но не более того. «Зачем же он тогда остановился? – все ж таки продолжал я упорно подозревать лейтенанта. – Неужели лишь для того, чтобы за разговором путь до Москвы показался ему короче?»

Наконец, через сотню километров вместе с потоком машин мы пересекли черту, за которой начиналась наша столица.

– Где твоя тетка-то живет? – как бы, между делом, спросил мусор, продолжая жать на газ.

Подозрение вновь невольно закралось мне в душу.

– Не на Петровке? А то мне как раз в ту сторону...

И лейтенант как-то озорно и в то же время с некоторой долей издевки рассмеялся.

– Прости, дружок! Я – это, сам понимаешь, в шутку... Работа у нас – такая, если все всерьез воспринимать, психика пострадать может!

– Вам – виднее, – вяло согласился я.

– Вот-вот!

И лейтенант, мельком глянув на меня, снова осклабился.

– Скажешь, где тебя высадить и – все дела! Сам понимаешь, что я – не «такси» и точно по адресу доставить тебя

не могу. У меня своих дел – по горло!

При этих словах розовощекий представитель закона заметно посерьезнел и даже слегка нахмурился. Более ни о чем не спрашивая меня, уже ближе к центру города, он вдруг заехал на «карман» возле какого-то торгового киоска и остановился.

– Сигареты почти закончились, надо бы пополнить запас! – пояснил он свой нехитрый маневр.

Пока лейтенант толкся в очереди из двух-трех человек возле киоска, я выскользнул из «бобика» и, даже не попрощавшись с ним, был таков. Вскоре затерявшись в толпе, и ощутив столь желанную свободу, я с облегчением вздохнул. Я не тяготился мыслью о том, что буду делать дальше. Как зарабатывать на хлеб, и – самое главное, где жить. Казалось, столица со своими широкими проспектами и нескончаемым потоком людей широко раскрыла для меня свои объятия. Утопая в них, я ощущал в себе желание жадно узнавать все то новое и, как мне думалось тогда, чрезвычайно удивительное, что вдруг открылось моему взору. Ведь оно близко не походило на то, что я видел прежде! Поначалу мне даже чудилось, будто я попал на другую планету, где было все гораздо прекраснее, а значит, правильнее и гуманнее, чем в том мире, которому по какой-то нелепой ошибке извне я принадлежал до сих пор. Глаза мои едва не выскакивали из орбит, а душа была готова выпрыгнуть из тела! «Вот – оно! Вот – то, что тебе было нужно всегда! С са-

мого твоего рождения! – казалось, надрывалось от дикого ору мое внутреннее „я“, точно задалось целью заявить о себе во весь голос, превзойдя в децибелах шумные проспекты столицы. – Где же все это было раньше? И почему возникло передо мной во всей своей жизненной полноте только теперь?»

Оглядевшись кругом, я увидел неподалеку сквер и немедленно направился туда. Облюбовав одну из скамеек, я присел на нее, чтобы довершить свой начатый более, чем в ста километрах от столицы завтрак, который теперь мог вполне сойти за поздний и довольно скудный обед. Я достал надкусанный хлеб с салом и принялся, не торопясь, насыщаться, так, чтобы это не особенно кому-то бросалось в глаза. Я решил, что буду есть понемногу, поскольку имевшийся запас пищи был довольно ограниченным, и я не знал, когда удастся его восполнить вновь. Я был настолько приятно ошарашен новыми впечатлениями, что по этому поводу, вернее, по причине того, в связи с чем я их получил, на тот момент у меня не крутилось в голове ни одной самой затхлой мыслишки, давая повод для пессимистического настроения. А, если она на миг и возникла, то всему – свой черед, решил я, как-то сразу успокоившись. Я был молод и здоров, а это являлось самым важным. Во мне жила непоколебимая уверенность, что все остальное приложится, если, конечно же, этого очень захотеть.

Слегка подкрепившись, но отнюдь не уняв голод, я еще

долго сидел бы на скамейке, совершенно не предполагая, что мне после этого предпринять, если бы вдруг не увидел... Вот, блин! Я даже на секунду зажмурился, сомневаясь, что это – не мираж!.. Это была она, Марго! Собственной персоной!..

Не броско, но со вкусом одетая, все с той же сумочкой перекинутой через плечо, она шла по скверу, казалось, не замечая ничего вокруг. А я не отводя от нее взгляда, все смотрел на ее светлые локоны, обрамлявшие прекрасное аристократическое лицо, так как слова застряли у меня в горле. А когда я кинулся за Марго вдогонку, ее уже и след простыл! В совершенном унынии я вернулся на скамейку. «Вот черт!» – искренне досадовал я, решив, что завтра в это же время буду ждать девушку в сквере на том же самом месте. Возможно, мне повезет и она, словно чудесное виденье, снова предстанет перед мои ясны очи, и тогда... «А, что – тогда?» – задал я себе вопрос и не смог на него ответить. По крайней мере, я мог бы выпытать у Марго хоть какие-нибудь сведения о Еве.

III. Бомж

Была довольно теплая летняя ночь и, растянувшись на скамейке, я попытался уснуть. Но, как назло, сон не шел ко мне. Наверное, оттого, что проклятые скамеечные бруски впивались мне в спину. А если я поворачивался на бок, то начинали ныть мои ребра.

Я забылся сном лишь под утро, а пробудился ближе к полудню.

Раскрыв глаза, я едва не ослеп от солнца и потому спешно закрыл их вновь. Наконец, приняв вертикальное положение, я протер мои вежды наиболее приспособленной для этого и вполне приемлемой с точки зрения гигиены, так как уже более суток я не имел возможности где-либо помыть руки, тыльной стороной ладоней. Тупо глядя перед собой, какое-то время я равнодушно наблюдал, как мимо меня по скверу туда-сюда сновал народец. Подумав о том, что неплохо было бы перекусить, я стал шарить рукой по скамейке, но пакета со съестными припасами не обнаружил. Тогда я встал со своего спартанского ложа и, присев на корточки, заглянул под него. Но все было напрасно. «Неужели украли? – от этой догадки, внезапно пронзившей мой мозг, мне стало не по себе. – Ну, надо же было кому-то еще больше омрачить и без того мое весьма плачевное существование!» Словно в подтверждение этих мыслей в желудке моем гром-

ко заурчало. И, чем больше мне хотелось есть, тем быстрее улетучивался мой недавний оптимизм и те иллюзии, которые невольно возникли в моем воображении, когда я впервые жадно глотнул хмельной воздух столицы.

Полагаясь на удачу, я ждал приближения вечера и Марго. В голове моей царил полный сумбур. Я все время спрашивал себя: «А, что если вчера Марго оказалась здесь абсолютно случайно? Если же это – постоянный ее маршрут, и, как менее обнадеживающий вариант, направление, которого она регулярно придерживается, чтобы достичь цели, сестра Евы вполне может пройти по тротуарам вдоль домов, а не обязательно там, где шла вчера. То есть, по скверу, зеленой облачной грядой от начала и до самого конца разделявшей улицу надвое. Я понимал, что в этом случае даже если я буду каждую минуту вертеть головой по сторонам, нет никакой гарантии, что в такой людской толчее, я не просмотрю Марго.

Значительно упав духом, я поднялся со скамьи и, в самом деле, принялся, как полный идиот, крутить башкой направо и налево, поскольку был уже вечер. «Ну, где же – ты? Где?» – этот вопрос, словно кол, застрял в моей голове, и вытянуть его оттуда могло лишь чудо. Чудо – по имени Марго!

Тоска и безысходность стали постепенно овладевать мной, когда на город начали спускаться сумерки. А когда вновь зажглись уличные фонари, я понял, что в моем положении надеяться на какое бы то ни было чудо, независимо от того, являлось оно одушевленным предметом или нет,

мог только сумасшедший. Во всяком случае, тогда бы ему была уготована совсем незавидная судьба. А вместе с ней – койка с матрацем и одеялом, а также – свежий комплект белья в ближайшей психбольнице. Тем не менее, для человека, вроде меня, выброшенного на улицу, подобная перспектива, как и любая другая, со временем могла стать приемлемой, так как она – все ж таки лучше, чем полное отсутствие таковой.

Плунув на все, я неспешно зашагал по скверу, понимая, что когда он закончится, мне нужно будет, либо повернуть в противоположную сторону, либо так и идти вперед без оглядки, любуясь достопримечательностями вечернего города. Но это было хоть какое-то занятие, способное отвлечь меня от невеселых мыслей. К тому же способ немного размять затекшие от постоянного пребывания на скамейке, ноги. «В конце концов, в этот „гостеприимный“ сквер я всегда сумею вернуться!» – подумал я, и это придало мне своего рода решимости. Однако не успел я пройти примерно полсотни шагов, как на одной из очередных, располагавшихся по обе стороны сквера, скамеек, точно две капли воды, похожих на ту, где я провел ночь и весь последующий день, я увидел небритого и неряшливо одетого человека. По крайней мере, в приближающихся вечерних сумерках это я мог вполне разглядеть. На коленях он держал бумажный пакет, а в руке довольно аппетитный кусок колбасы. Громко чавкая, время от времени он бросал хмурые взгляды на нечастых прохо-

жих, которые в свою очередь не обращали на него никакого внимания. Наверное, оттого, что был голоден, я вдруг остановился и, подойдя к скамье, сел на нее на некотором расстоянии от незнакомца, очень напоминавшего в тот миг меня самого. Разница состояла лишь в том, что, судя по его изрядно потрепанному виду, стезю бездомного он, скорее всего, успешно осваивал уже давно. Вероятно, не без посторонней помощи попав на нее, этот столичный бомж уже не способен был свернуть в какую-либо иную сторону и постепенно стал свыкаться со своим ужасным положением. Или же, я не мог этого в точности знать, отчаяние пока что еще не убило в нем веры. Веры возвратиться к нормальной цивилизованной жизни. Может, «цивилизованной» это громко сказано. Я имею в виду, той жизни, какую живет большинство людей, населяющих этот гигантский город. Так или иначе, всему есть предел... Помимо того, что мне ужасно хотелось чего-нибудь съесть, любопытство разбирало меня. И удовлетворить его мог лишь человек, сидевший на скамейке. Если бы, конечно, он этого пожелал.

Косо глянув на меня, бомж внезапно сунул остаток колбасы в пакет. Безо всякого стеснения рыгнув, он, видимо, уже собирался встать и уйти, чтобы продолжить насыщение своего желудка без постороннего наблюдателя, но что-то остановило его. Окинув меня пристальным взглядом, он едва заметно скривил рот, что, видимо, должно было означать улыбку. Мол, и тебя туда же угораздило, дружок! Видимо,

мой инстинкт подсказал мне правильную линию поведения, и я улыбнулся бомжу в ответ. Тот не заставил себя долго ждать.

– Как погонялово, браток?

– Что? – не сразу понял я. – ...Адам! Адамом меня зовут!

Бомж в задумчивости, словно размышляя о чем-то про себя, а может, для того, чтобы избавиться от зуда, почесал заросший щетиной подбородок.

– Баб, что ли, любишь, раз кликуху такую взял?

Я пожал плечами. То ли оттого, что подобный ответ показался ему убедительным, то ли по какой иной причине, мой новый знакомый более не раздумывал.

– На... Жри! – неожиданно предложил он.

Щедрый незнакомец снова сунул руку в пакет и вынул оттуда кусок колбасы, которую не успел доесть сам. Дважды просить себя я не стал. Буквально выхватив из рук уличного бродяги остаток его ужина, я поразительно быстро расправился с ним.

– Еще?

Я согласно кивнул. Мой спаситель пошарив рукой в пакете, извлек из него свежую сайку и плавленый сырок. ...Я ел, а он внимательно смотрел на меня. Так, словно изучал.

– Днесь заночуем в хибаре одной, а наутро – на Дмитровку! – сказал столичный бродяга. – Жратву отрабатывать надо! А ты, как думал?..

Поднявшись со скамьи, я направился вслед за ним.

Уже стемнело, когда мы оказались в каком-то занюханном дворе и вошли в дурно пахнувший подъезд пятиэтажки. Нужная нам квартира располагалась на первом этаже. Дважды звонить в дверь не пришлось, поскольку она тотчас открылась.

– Кто – это, с тобой? – подозрительно спросила полная пожилая женщина.

– Меньше знаешь – лучше аппетит! – буркнул в ответ мой опекун.

Сунув в карман брюк пятерню, он извлек из него десятидолларовую купюру.

– Это – тебе, чтоб не задавала лишних вопросов! Поняла? Хозяйка раздраженно зашмыгала носом, точно у ней и впрямь был насморк.

– Опять ты, Юрик, крапиву мне эту суешь? Все на иностранцев пашешь! Я ж тебе уже говорила, что за постой я только нашими беру! Нашими, и – все тут!

– Какая – тебе разница! Нашими или не нашими! То же мне – патриотка, мать твою, нашлась! Зелень эта потом моим и кровью заработана. А это – главное!.. Тем более, что она – всегда в цене...

IV. Коттедж

Дмитровское шоссе, исшарканное колесами авто, гудело, как огромный пчелиный улей. Пчелами, конечно же, являлись машины и водители, что казались неотделимы друг от друга. Дешевая рабсила – то, из чего владельцы этих машин – мозг всей несложной конструкции, должны были почти задаром выкачать нектар. То есть извлечь известную выгоду для себя. Они останавливались у обочины шоссе и, выйдя из машины, тыкали пальцами в грудь угодных им наймитов. Потом они сажали их в свое авто и отчаливали в неизвестном никому направлении. Иногда – не особенно далеко, а иной раз...

Ждать нам пришлось недолго. Скоро подкатила иномарка. Дверка приоткрылась. Мужчина средних лет в спортивной майке и темных очках кивнул на заднее сиденье.

– Прыгай, Юрик! Да, поскорее. Времени у меня – в обрез!

– Он – сегодня со мной!

И мой товарищ указал очкастому на меня. Тот согласно кивнул.

– Только учти: пай один на двоих делить будете!

– Там разберемся... – буркнул Юрик, и вскоре мы уже мчались по шоссе.

Ехать пришлось, не бог весть, сколько. Где-то через полчаса мы уже были почти на месте. Оглядевшись, я увидел

впереди себя смешанный лес. На его фоне на расстоянии около полтора метра друг от друга красовались двух и трехэтажные коттеджи. Вернее, из-за кирпичных заборов виднелись лишь их верхние этажи с большими окнами. Крыши этих шикарных строений по большей части были одеты в черепицу из красного цвета. Впрочем, встречались и другие цвета.

– Ну, все! Выметайтесь к чертовой бабушке! – особенно не церемонясь, приказал водила, когда машина остановилась возле массивных металлических ворот, окрашенных в черный цвет. – Юрик, ты знаешь, что делать...

– Конечно, хозяин! – охотно закивал мой спутник. – Все изладим, как полагается. Нет проблем!

– Смотри мне! Я на тебя надеюсь. За него...

И хозяин вилы внимательно посмотрел на меня, точно увидел впервые.

– ...Отвечаешь головой! Что-то не особенно похож он на вашего брата!

Сомнение мелькнуло на лице очкастого.

– Так, ведь стажу у него пока что нет. Ничо, пообтешется маленько, так вы нас, точно братьев-близнецов, одного от другого отличать не будете...

– Ладно, сказки тебе рассказывать! Чтобы стать на тебя похожим, Юрик, надо сильно в говне изваляться!

С этими словами очкастый набрал нужный код и ворота во двор, внутри которого располагался коттедж, отворились.

Хозяин снова сел в машину, а мы проследовали на территорию его владений. Но едва мы пересекли их границу, ворота автоматически закрылись.

– Сам ты – говно! – воскликнул слегка раздосадованный Юрик, понимая, что человек, на которого он работал, уже не услышит его слов.

Следуя за напарником, я с любопытством обозревал двор. Посредине его красовались искусно разбитые клумбы. Дорожка, ведущая к дому, была посыпана гравием. Немного левее нее впечатлял своей архитектурой фонтан, выложенный из горного камня. Прямо в центре его помещалась фигурка обнаженной девушки, формы которой казались безупречны и выразительны. Корпус слегка отстранен назад. Рука вскинута над головой, а указательный палец, как ему и полагается, направлен в небо. Видимо, в скором времени из него должна была хлынуть веерообразной струей вода... Справа, к ограждению прижималась цветочная оранжерея.

– Ну, будет тебе по сторонам кумекалкой ерзать! – нахмурился Юрик. – Здесь это не принято. Смотри лучше себе под ноги. А то, не дай бог, споткнешься да носом гравий попортишь, а мне потом отвечай!

Решив прислушаться к совету более опытного товарища, я перестал любопытничать, тотчас придав выражению собственного лица деловой и озабоченный вид.

Когда мы вплотную приблизились к коттеджу, на крыльце его со скрещенными руками на груди появился охранник.

– Ну, чо? Пройти-то, дашь? – раздраженно спросил Юрик, исподлобья глядя на верного сторожа хозяйской собственности.

Охранник неохотно посторонился. Войдя в коттедж, мы тотчас свернули направо. Точнее, первым повернул Юрик, а я по пятам следовал за ним. Шествуя по мраморному покрытию, точно скользя по льду, шагов через тридцать мы уперлись в стенку. Слева в полу я заметил большое темное отверстие прямоугольной формы. Видимо, там был подвал, в который вела лестница. Охранник щелкнул выключателем на стене и стал спускаться вниз. Нам ничего не оставалось, как сделать то же самое. Поменяв курс дважды, вскоре он снова нажал выключатель. Толкнув дверь, охранник вошел первым... Мы очутились в просторном помещении. Прямо посередине него зияло углубление, вдоль стен которого велась кирпичная кладка. В правом ближнем углу помещения я увидел мешки с песком и цементом. Там же валялись мастерок, строительный молоток, топор и прочие инструменты.

– Что здесь будет, Юрик? – не удержался я.

– Бассейн! – важно ответил тот.

Видимо, пряча изнанку своей истерзанной души ото всех, Юрик гордился тем, что, хотя и опустился на самое, что ни на есть, житейское дно, точно низошел в строительный котлован, гордо называемый им бассейном, но уважения к своим профессиональным способностям не утратил. Работал

он не только за деньги, но и для того, чтобы окончательно не разувериться в самом себе. Ведь, если не ставить себя ни во что, то и другие станут относиться к тебе точно также! А, значит, не будет главного, того, что составляет истинную сущность человека, без которой, конечно же, нет и самого человека... А, если и есть, то, увы, не надолго!..

Юрик, конечно же, понимал это лучше, чем кто-либо другой. Наверное, потому так и цеплялся за работу, цена которой составляла два ломаных гроша. В чем я убедился несколько позднее.

Охранник еще какое-то время для порядка поторчал в подвале, а потом не слышно удалился наверх. Мы же принялись за работу.

Не знаю, был ли я рад тому, что судьба в трудный для меня час послала мне Юрика. Но особенно выбирать мне не приходилось. Выложив кирпичом стены, мы принялись равнять дно бассейна. Дело шло хотя и не так быстро, как хотелось бы хозяину, но за это он был на нас не в обиде. Каждый раз в конце смены он выплачивал нам определенную сумму денег, в зависимости от того, какой строительный объем мы освоили. В основном эта сумма колебалась от трехсот до четырехсот рублей – каждому. Иногда немного больше. Получив деньги, я отдавал пятьдесят рублей Юрику, как он того требовал, поскольку являлся моим боссом. Часть денег мы выплачивали за ночлег. Остальное тратили на пищу.

Глава третья. Анна

I. «Нечаянное» знакомство

Приходя на работу и уходя с нее, я не однажды замечал присутствие в коттедже молодой особы. Она, то поднималась вверх по широкой, застеленной цветастой ковровой дорожкой, лестнице, которая вела из фойе на второй этаж. То, пересекая его, следовала в гостиную или кухню, располагавшиеся на первом этаже.

– Кто – эта девушка? – как-то спросил я у Юрика.

– А тебе-то – что? – нахмурился тот. – Все одно – не по зубам! Ты, брат, не ее – поля ягода!..

Меж тем, я часто ловил на себе хотя и мимолетные, но достаточно выразительные взгляды. При этом глаза этой девушки загорались неподдельным любопытством. Быть может, мне так лишь чудилось, поскольку она невольно чем-то напомнила мне Еву. Скорее всего, именно поэтому я хотел думать, что хозяйка или же обслуга этого дома, вне зависимости от того, кем она являлась в действительности, не совсем безразлична к моей персоне.

В конце концов, когда я снова задал Юрику тот же вопрос, он ответил, что и сам толком не знал, кто была эта девица. Появилась она в особняке около месяца назад. При-

мерно за неделю до того, как я познакомился с Юриком. Поэтому у хозяина и охранника спросить – все одно не ответят! Еще и пошлют, куда подальше! А другого источника, чтобы почерпнуть подобные сведения, не имелось, да и смысла – тоже. «Так что, прижми свой хвост, парень! А то, если даже и распушишь, никто не заметит! – учил меня уму-разуму Юрик. – Иначе сам ведь знаешь... Любопытной варваре член оторвали!» При этом дошедший до известной ручки, но не лишенный чувства юмора, этот человек, беззубо улыбался. К сожалению, его премудрости не пошли мне на пользу.

– Юрик, ты не мог бы одолжить мне немного денег? – стараясь не смотреть своему товарищу по несчастью в глаза, спросил я как-то.

Я знал, что с каждой денежной выплаты он регулярно, хоть и понемногу, откладывал энную сумму на черный день. Подозрительно глянув на меня, Юрик соорудил недовольную гримасу.

– Для чего тебе это? Отдавать-то все одно придется. Да, еще с процентами!..

– Я отдам! Все – до копейки!.. Вот увидишь. Голодом сидеть буду, а расплачусь.

– А, как же – иначе?

– ... И я – о том же. Ну, так – как?

За тот недолгий срок, что мы пробыли вместе, Юрик успел привязаться ко мне. Да и я к нему – тоже. Между на-

ми, что называется, образовалась прочная духовная связь. Поэтому, не долго раздумывая, он выложил мне из потайного кармана все свои накопления. Денег оказалось достаточно, чтобы в обеденный перерыв я приобрел на них новую спортивную майку, джинсы, кроссовки, а также темные очки. Спустившись в подвал в новом прикиде, я встал в картинную позу и с чувством собственного превосходства уставился на Юрика.

– Узнаешь, иль – нет?

От изумления мой напарник аж до неприличия свой ангар приоткрыл.

– Вот, изверг, на что ты мои кровные потратил! Неужто хочешь выглядеть на рубль двадцать дороже того, что эта милашка дала бы за тебя, когда ты был в твоей старой заношенной до дыр одежонке?

– Разве ты забыл, сколько мне одолжил? – возразил я своему благодетелю. – То-то! Стало быть, не на рубль... А – на три тысячи рублей. Точнее, две девятьсот сорок...

– Вот – оболтус! – не переставал изумляться Юрик. – Ты – что, и впрямь решил, что эта девка на тебя клюнет?

Снова, внимательно осмотрев меня, и даже, обойдя кругом, словно какую-то достопримечательность, по часовой стрелке, а затем в обратную сторону, чтобы не выпустить из виду ни одной, даже самой мелкой детали, бомж, наконец-таки, одобрительно кивнул головой.

– Хотя, кто его знает!

– Да, все нормально будет, Юрик! Ты не переживай!

– Ну, даже, если и – так! Что ты с ней делать будешь? Ведь, как только она прознает, что ты – бездомный и к тому же – без гроша в кармане, что, я надеюсь, она уже успела заметить, твой новый прикид тебе не поможет. Это-то хоть ты понимаешь, голова твоя садовая?

– А зачем я ей стану говорить, что – бездомный?

– Хе-хе! – хрипло усмехнулся Юрик. – Дурак, ты, парень, как я погляжу! И говорить ничего не надо будет. У тебя и так на твоей бесстыдной роже все написано...

Но я упрямо замотал головой.

– Если написано, так она уже без того все прочла! А раз, прочла, то, значит, либо – пан, либо...

– ...К черту она тебя сразу и пошлет!

– Спорим? На все деньги, что ты мне одолжил!

Но спорить Юрик не стал.

– Иди уже, сходи к этой девке! Попроси горстку соли. Мол, перекусить сели, а жаркое подсолить нечем!..

– Ага! Скажи еще, анчоусы со свиными трюфелями в банановом масле!..

– Именно! Только у охранника разрешения спросить не забудь...

Я поднялся наверх, в глубине души надеясь, что этот самый охранник куда-нибудь отлучился по собственной надобности и потому не помешает мне реализовать мой коварный план. То есть познакомиться с той самой девушкой, ко-

торая почти ежедневно попадалась мне на глаза, проживая в коттедже. Для меня это не было просто желанием или бла- жью, которая заключалась, как мне думалось, в нашей обо- юдной симпатии. Во время последних коротких встреч, ко- торые день ото дня почему-то случались значительно чаще, ее взгляды, направленные в мою сторону, становились все более красноречивыми. Ее глаза, словно говорили мне: «Ну, подойди же! Подойди и скажи, хотя бы слово! Чего ты бо- ишься?» Но по известной уже причине я до сих пор так и ни разу не приблизился к ней ни на шаг, хотя мне очень этого хотелось. И, держась на расстоянии, любовался ею издале- ка. Помимо того, что незнакомка почти, как две жемчужи- ны с одного морского дна, походила на Еву, меня раздирало на части стремление при более тесном знакомстве убедить- ся, что – это вовсе не она! И дело тут – не только во внеш- ности, хотя, при более внимательном рассмотрении я при- шел к выводу, что сходство и, в самом деле, было порази- тельное, но и – в духовной сути! Что моя несколько расстро- енная последними событиями психика воздействует на ме- ня таким способом, что заставляет искать встречи с той, что является лишь бледной копией моей возлюбленной. Ее жал- ким подобием. «Наверное, теперь в каждой брюнетке с жи- выми темными глазами мне будет видеться Ева до тех самых пор, пока в действительности я не найду ее!» – думал я, осто- рожно пересекая фойе, и, направляясь в кухню. Слава богу, охранника не было нигде видно. Увы, девушки, так походяв-

шей на Еву, там тоже след простыл. Возвращаясь обратно, я не сделал и нескольких шагов, как едва нос к носу не столкнулся с ней.

– Ой, простите, Бога ради! – невольно воскликнула она, очутившись со мной лицом к лицу, так близко, что едва не попала ко мне в объятия.

Я бы охотно раскрыл ей эти самые объятия, не считая это зазорным для себя, поскольку после всего случившегося со мной так нуждался хотя бы в малой толике любви и ласки, что при случае отказаться от всего этого просто не нашел бы в себе никаких сил. К тому же ежедневная тяжелая работа и отсутствие каких-либо перспектив на будущее так вымотали меня физически и морально, что я готов был на любую авантюру, лишь бы в конечном итоге выбраться из смрадного болота, в которое затянуло меня все то, совершенно непонятное и трагическое, что тайно или явно, присутствовало в моей жизни. Мне даже порой думалось, что я был рожден именно для того, чтобы, за короткий промежуток времени испытать страсть к любимой девушке, тяжелую утрату самого близкого и дорогого мне существа на свете, жестокое преследование двуликого закона за то, чего я не совершал, в конечном итоге быть выброшенным на улицу без всяких средств к существованию. Для чего это надо было провидению – вот в чем вопрос? Быть может, во всем этом крылся особый смысл, который был мне до сих пор не понятен?.. Это и предстояло мне выяснить.

– Что вы здесь делаете? – спросила меня девушка, глядя на меня широко раскрытыми и немного испуганными глазами.

Не скрою, что в тот момент, я тоже слегка растерялся. «Вдруг, не совладав с собой, она закричит и станет звать на помощь охранника?» – молнией промелькнуло у меня в голове.

– Я?..

– Да, вы!

Видимо, вид мой был так нелеп и даже смешон, что удивление и страх на ее лице вскоре сменила снисходительная усмешка.

– Может, вы – вор и пришли на кухню, чтобы тайком стянуть мешок сахара?

– Да! То есть... Нет, конечно!

Растерявшись окончательно, словно последний кретин, я смотрел на нее во все глаза, совершенно не зная, что сказать. Заранее заготовленная фраза о якобы цели моего прихода на кухню, как будто бы раз и навсегда вылетела из моей головы. Наконец, я попытался взять себя в руки.

– Соль!.. Да! Знаете ли, я хотел попросить у вас щепотку соли для меня и моего напарника. Мы с ним сели...

Но девушка, не дослушав до конца ту белиберду, что я нес, прошла в кухню и вскоре вернулась, держа на ладошке горстку соли.

– А сахар? Сахар у вас есть к чаю?

– Нет!

Девушка с сочувствием посмотрела на меня.

– То есть, я хотел сказать, что мы не пьем чаю!

– А, что же вы пьете?

– Воду... Воду из-под крана. Там в подвале есть водопроводный кран. Мы его открываем и пьем. Очень вкусная вода! Холодная такая...

– Вот – ужас! Настоящий ужас! Неужели у вас нет электрочайника?

Я отрицательно замотал головой.

– То есть, он имеется, но...

– Понятно. Вы пьете чай дома. Я правильно вас поняла?

Я согласно кивнул.

– Хотя...

– Что «хотя»? Может быть, и дома у вас – нету?

Я как-то вымученно улыбнулся.

– Нет! Точнее, есть, но...

В ее глазах мелькнула догадка.

– Наверное, вы снимаете квартиру? Вы – приезжие?

– Как вы узнали об этом?

В свою очередь девушка весело рассмеялась.

– Чего же – проще? У вас такой потерянный вид, будто...

Видимо, почувствовав неловкость, она прервала свою речь.

– Да, чего уж – там! – я постарался ободрить ее. – Говорите, как есть...

– ...будто вы лишились чего-то очень дорогого, и вместе с этим жизнь потеряла для вас всякую привлекательность!..

Сказав это, девушка снова умолкла, а у меня на глазах невольно выступили слезы. Заметив их, в сострадательном порыве она протянула руку. Я тотчас почувствовал легкое прикосновение ее ладони. Как мне показалось, кожа на ней была очень тонкая и нежная. Видимо, так ей было легче выразить то, что она ощутила в тот момент по отношению ко мне.

– Простите, если я вас нечаянно чем-то обидела!

Но я из последних сил, собрав всю свою волю в кулак, старался ничем не выдать нахлынувших на меня чувств.

– Ну, что вы, в самом деле! Пустяки – это все.

Видя, что сам того не ожидая, расположил девушку даже больше того, на что рассчитывал поначалу, я несколько осмелел.

– Лучше скажите, как вас зовут? – окончательно, как мне казалось, забыв про свою робость, спросил я.

– Анна! – просто ответила она.

При этом я с некоторым удовлетворением успел заметить, что щеки ее слегка порозовели.

– А – вас?

– Меня?.. Простите!

Проклятая робость снова начала овладевать мной. Как я выяснил для себя в ту минуту, я совершенно не умел раз-

говаривать с девушками. «Деревня! Колхозный тюфяк!» – с раздражением подумал я про себя.

В тайне от Анны, таким оригинальным способом областав собственную персону, и, дав выход эмоциям, я натянуто улыбнулся ей.

– Я – Адам! А со мной работает мой напарник Юрик.

– Адам?

В тоне ее послышалось легкое удивление. По тому, как потеплел взгляд Анны, я понял, что это самое удивление было скорее приятного свойства, нежели – наоборот. О чем она тут же не преминула сообщить мне.

– Мне нравится ваше имя! Хотя... В наше время мало, кого так называют.

Говоря это, Анна отвела взгляд в сторону.

– Возможно, что это – даже к лучшему...

– Интересно, почему? – спросил я.

– Человека с таким именем нельзя ни с кем спутать!

– Но ведь, все зависит от самого человека!

Ее брови едва заметно нахмурились.

– Нет, не все! Далеко – не все. Я даже думаю, что от самого человека вообще мало, что зависит. А, проще сказать, ничего!

Наверное, всерьез озадачив меня, Анна, как ни старалась, не смогла сдержать очередной улыбки.

– Какой вы – забавный!

Она тихонько рассмеялась.

– Ваш напарник... Как – его?

– Юрик!

– ...Он – тоже какой-то чудной!

– Чудной?

Честно сказать, мнение Анны о Юрике, из которого следовало, что, хотя он и не был ей близко знаком, но его личность в некоторой степени также интересовала ее, меня несколько покорило. «Неужели я ревную Анну к Юрику?» – подумал я.

– Еще – какой! Почтище вашего будет...

Сказав «а» она не могла не сказать и «б», поскольку наверняка понимала, насколько серьезно заинтриговала меня. Нет, Анна, конечно же, вправе была промолчать, но тогда доверие, которое так внезапно возникло между нами, было бы навсегда утеряно. А этого ни ей, ни мне тогда не хотелось.

– До вашего прихода к нам Юрик регулярно оказывал мне знаки внимания.

– Внимания?..

Она утвердительно кивнула.

– Вы только Сергею не проболтайтесь! Охраннику! Если отец узнает, он его с работы уволит...

Анна сурово посмотрела на меня.

– И... Юрика – тоже! Про вас и говорить нечего! Вы сильно рискуете, стоя так близко от меня.

Последние ее слова прозвучали как-то особенно взволнованно, и я подумал, что Анне приятно беседовать со мной,

и что моя нетипичная особь из совершенно чуждой ей общественной прослойки в немалой степени заинтриговала ее.

– Так, что же – Юрик?

– Ах, Юрик! Представляете, всякий раз завидев меня, он делал вот – так!

Отступив на шаг назад, чтобы мне было лучше видно, что именно такое вытворял Юрик, она заговорщически моргнула мне глазом.

«Вот – старый хрен!» – подумал я, с трудом сдерживая улыбку. При этом я не мог про себя не отметить, что, передразнивая Юрика, Анна была неподражаема. Просто очаровательна!

II. Порез

– Ну, что, потолковал с девчонкой? – полюбопытствовал Юрик, когда я спустился в подвал.

– А – как же! – без обиняков ответил я.

Впрочем, мой самодовольный вид говорил сам за себя.

– Ну, и как, она – тебе? Пришлась по вкусу?

– Не знаю, пока не пробовал!

– Так, попробуй! За чем же дело стало?

Юрик сказал это так, как будто настаивал на том, чтобы я продолжил флирт с девушкой, которая, являлась дочерью нашего работодателя, к тому же безумно ревнивого папаша. По крайней мере, так я понял со слов Анны. Заметив на моем лице неуверенность, Юрик, конечно же, истолковал ее по-своему.

– Ты пойми, дурья твоя башка! Для тебя это – шанс! Шанс выкарабкаться в люди...

– А, если этот шанс будет стоить мне головы, после того, как она поумнеет? Ее папаша – хозяин этого коттеджа площадью в триста с лишним квадратов! Вряд ли он захочет делиться ими с будущим зятем! И, ты знаешь, он, по-моему, даже круче, чем кажется на первый взгляд.

Встав с мешка с песком, на котором осталось углубление от его худосочного чресла, Юрик, не спеша, словно раздуваемая, прошелся вдоль кромки будущего бассейна.

– Что, значит, круче? Он и есть отморозок недоношенный! А, по-нашему, обыкновенный бандюган, который живет за счет тех, чью кровь он пьет. И за это его надо наказать!

При этих словах в глазах Юрика зажегся огонек ненависти.

– Ты думаешь, кто этот коттедж ему отгрохал? Кто помог спроектировать? Строительную смету, кто составлял?.. Кто ишачил тут день и ночь, чтобы на пустом месте возникло что-то. Вот то-то и оно! Ведь, прежде всего, я – дипломированный инженер-строитель, а потом уже – бомж...

Я заметил, как глаза Юрика немного увлажнились. Отвернувшись, он часто зашмыгал носом, видимо, тайком от меня сглатывая не прошенные слезы обиды на свою горькую долю, которая несправедливо лишила его всего того, что он имел доселе, и того, что мог бы иметь теперь, если бы да кабы...

– А, что я за это получил? Ты сам все видишь, поэтому нет смысла тебе это объяснять!..

Немного успокоившись, Юрик продолжил.

– А эта соплячка, которая до определенных пор не появлялась тут никогда прежде... Я лишь смутно предполагал, кем именно она доводится Гусю. Хозяину нашему. Только любопытничать мне на этот счет было совсем ни к чему. Я уже говорил, что Гусь не любит, когда ему задают лишние вопросы. Или что-либо предъявляют, как ему кажется, не по существу!..

Максимально понизив тон, он бросил настороженный

взор за мою спину. Там располагался вход в подвал. Видимо, таким образом, Юрик хотел убедиться, что, кроме меня, его никто больше не слышит.

– Раньше... Вместо тебя здесь другой бедолага ишачил! Нерусский. Мирам его звали. Так Гусь его порешил за то, что тот потребовал за свою работу бабла ему приплатить.

– Неужто, только – за это? – засомневался я.

– Мирам на Гуся давно зуб точил. А тут нашла коса на камень. Сцепились они крепко. В конце концов, Мирам в ответ на оскорбления ответил Гусю тем же. Тогда тот в запале выхватил из-за пояса пистолет и разрядил в него всю обойму. Прямо вот – здесь, в подвале. А меня потом предупредил, что, если вякну кому про это, так он и со мной чикаться не станет.

Надо сказать, рассказ Юрика произвел на меня гнетущее впечатление. И хотя мое неосознанное влечение к Анне, у которой, на мой взгляд, было так много общего с Евой, ничуть не поубавилось, я, не решаясь на новую встречу с ней, следующие два дня не выходил из подвала и занимался исключительно делом. Если действовать необдуманно, полагал я, можно таких дров наломать! Но сколько я ни думал, ничего путного, относительно того, как мне продолжить знакомство с Анной и не вызвать никаких подозрений у Гуся, мне на ум так и не пришло. На третий день я поднялся из подвала по лестнице вверх и у видел прямо перед собой Сергея. Он словно нарочно поджидал меня, прохаживаясь вперед, назад

по зеркальному полу.

– Ты чо, оболтус, раньше времени тут нарисовался? По-моему, так, рабочий день еще не закончился!

В голосе Сергея прозвучали недовольные нотки. Прекратив утюжить пол подошвами своих ботинок, он вдруг остановился напротив меня. Само собой, охранник был парень дюжий. Широкоплечий. Кулаки, как две кувалды. К тому же опоясан он был ремнем, на котором висела кобура. А, что было в кобуре, догадаться нетрудно.

– Да, вот, зараза, руку поранил! Нет у вас тут аптечки, какой? Рану надо бы слегка обработать да перевязать...

Пока я разглагольствовал, капля крови, которой была залита кисть моей руки, капнула прямо на мраморный пол.

– Ах, ты, недотепа! Стой здесь, я Анну кликну! Может, у ней там наверху что-нибудь для тебя найдется...

Вскоре она и впрямь уже спускалась по лестнице со второго этажа, держа в руках аптечку. Ее широко раскрытые глаза смотрели на меня с неподдельной тревогой.

– Скорее – в ванную!

Схватив за руку, которая не была повреждена, она потащила меня за собой, куда следует.

– Как же, вы – так, Адам? Ну, разве так – можно?! – с напускной строгостью выговаривала мне Анна, сунув мою руку под струю холодной воды. – Неужели нельзя было осторожнее?

Она склонила голову над моей раной, и ее чудесные воло-

сы коснулись моего лица.

– А вы, случаем, на медсестру не учились? – спросил я, как бы, между прочим.

Прекратив колдовать над моей раной, она вопросительно посмотрела на меня.

– Ловко у вас все получается!

– Это – что, комплимент?

Анна стояла так близко от меня, что это невольно заставляло трепетать каждую молекулу моего тела. А когда, вновь склонившись над моей раной, наконец, она завязала узелок бинта, и подняла голову, ее губы оказались как раз напротив моих.

– Ну, если вам так больше нравится...

Она в смущении опустила глаза, и собралась, было, уйти, но я не позволил ей этого сделать!.. Она даже охнуть не успела, как мои губы прижались к ее губам!.. Они оказались такими мягкими и податливыми. Видимо, то, чем мы занимались, пришлось Анне по вкусу потому, что ее руки вдруг обвили мою шею. Я был вне себя от восторга! Победа вскрыла мою голову и буквально опьянила меня!

Когда я спустился в подвал, Юрик, с тревогой глядя на меня, спросил:

– Ну, что?.. Порез – не глубокий?

– Да, нет. Все нормально, – ответил я.

– Ну, слава Богу! – успокоился Юрик. – А я уж, грешным делом, подумал, что малость перестарался. Чересчур те-

бя наказал!

– Да, будет тебе так убиваться по пустякам, словно ты – мой родитель!

Сентиментальность Юрика начинала мне досаждать.

– Пустяк, говоришь? Не скажи!..

Немного виновато хлопая ресницами, Юрик добавил:

– Так, ведь сам просил!.. Не зря, хоть?

– Не зря!..

– А ну, покажь!

Я протянул ему ту самую руку, которую он полчаса назад нещадно полоснул острым, как бритва, лезвием ножа.

– Теперь вижу, что – не зря! Вишь, как ловко, она перебинтовала тебя! Сучка!

III. Свиданье с Гусыней

Следующим вечером после работы я ждал Анну возле входа в метро.

– У меня есть только два часа! Не больше! – заранее предупредила она.

Но я был и этому несказанно рад.

– Куда пойдём?

– Понятия не имею!

– Ну, да! Я совсем забыла! Ты ведь – не москвич...

– И даже не «Лада Приора»! – пытался неуклюже шутить я.

– Ага! С тобой – все ясно!

Она озорно стрельнула в меня глазками.

– Тогда пошли в «Макдоналдс»!

– А... А, может, не стоит! Давай просто погуляем по городу...

Анна с нескрываемым удивлением посмотрела на меня.

– Ты чего испугался?

Немного покраснев, я невозмутимо пожал плечами.

– Ничего!

– Ты – что, гамбургеры и мороженое не любишь?

– Да, нет... Не в этом – дело... Просто, я портмоне дома забыл!

– И – всего-то!

Анна беззаботно рассмеялась.

– Сегодня я за все плачу! Ведь ты – гость столицы. Значит, мой гость!

После «Макдоналдса» еще какое-то время мы болтались в уличной суете, пока, наконец, не очутились возле подъезда ее дома. В это время Анне кто-то позвонил. Она коротко ответила. Лукавые искорки, вспыхнув в ее глазах, тотчас погасли.

– Не хочешь зайти ко мне в гости?

Переминаясь с ноги на ногу, я стоял, как безмозглый истукан, в голове у которого вместо мозгов – сосновые опилки, не зная, что ответить Анне.

– Дома – никого нет! Отец будет поздно, так что нам ничто не помешает хорошо провести досуг вместе.

– Это он тебе звонил?

Она согласно тряхнула локонами чудесных волос, и они, вспорхнув, точно крылья бабочки, вновь опустились на ее плечи.

– А, как же – твоя?..

– Мамы у меня нет! Она... Погибла. Я тогда была еще очень маленькая, так что плохо ее помню.

– Извини, я этого не знал!

– Да, пустяки.! Мой предок для меня – все: и отец, и мать! И – дедушка с бабушкой! – воскликнула она со смешком, видимо, чтобы окончательно не заикнуться на грустном.

Дверь распахнулась, и мы шагнули в полумрак подъезда.

Взяв за руку, она повела меня за собой вверх по лестнице.

Я ушел от Анны, когда уже стемнело. Время с ней пролетело так незаметно, что я буквально потерял ему счет. К тому же ее поведение настолько шокировало меня, что я, окончательно сбитый с толку, казался себе сам не свой. Сперва мы выпили с Анной по бокалу какого-то вина, бутылка которого, как она сказала, стоила баснословные деньги. Потом Анна включила музыку, и мы начали с ней танцевать. А когда, словно слепой котенок уткнувшись в мою грудь, она, вдруг плавно отстранилась, слегка задрвав очаровательную мордашку кверху, меня будто молотком по темечку направило! Я, точно безумный, стал осыпать поцелуями ее лицо, глаза, руки и шею! А затем, уже совсем не владея собой, довольно грубо повалил на раскладное кресло. Вероятно, в нужный момент Анна незаметно нажала на потайную кнопку в подлокотнике, и оно тотчас превратилось в ложе...

На прощанье мы выпили еще по бокалу вина и поцеловались в губы.

– Ну, что?.. Ты... Доволен столицей и ее достопримечательностями? – с игривой улыбкой на лице спросила она, перед тем как за мной захлопнулась дверь.

Как я полагал, вопрос был риторический, и на него не нужно было отвечать.

– Странно, что в самый неподходящий момент ты назвал меня Евой!

IV. IQ Юрика

Возможно, это покажется кому-то не скромным с моей стороны, но, по-моему, Анна с первого взгляда по уши втюрилась в меня. Иначе при первом же свидании я вряд ли стал бы ей близок. Но после этого она уже ни дня не могла прожить без того, чтобы не увидеться со мной. Не обсудить планы на ближайшее будущее. Мне казалось это дико, но неужели Анна совсем потеряла рассудок или разучилась отделять зерна от плевел? Неужели не догадывалась, кто – я на самом деле? Возможно, что ей это было абсолютно безразлично! Так или иначе, но именно тогда, впервые задаваясь подобными вопросами и ища на них ответы, я начал постигать психологию женщин. Я пришел к неутешительному выводу о том, что если женщина любит, то ей уже неважно, кто – ты в действительности. Ты можешь быть, кем угодно. Врачом, инженером, деспотом и тираном, серийным убийцей и даже бомжом. Она будет тебя любить, кем бы ты не являлся и, не смотря ни на что! И в конце концов, ее любовь принесет тебе либо большую удачу, либо немало горя.

Но этот вывод я сделал уже после того, как случилось то, что случилось.

Работа по устройству бассейна успешно продвигалась. Мы с Юриком выложили кафелем стены и принялись за дно. Параллельно с этим мы должны были смонтировать систему

для откачки воды, а также для ее подогрева. Юрик и в самом деле был настоящим ассом своего ремесла. Поэтому все больше восхищаясь его мозговитостью и умением вкалывать по десять, а то и двенадцать часов в сутки, я никак не мог взять в толк, отчего при таких способностях он оставался бомжом? Неужели у него не хватало мужества, внеся погоняло ненавистного рабовладельца своей души в черный список, однажды взять и раз и навсегда поставить на нем крест, да так, чтоб по пальцам чернила стекали!.. Крест – на крайне прижимистом и к тому же прибандиченном работодателе, относившемся к нему, как скоту, и найти достойное применение своему IQ?

Как-то, когда мы сели перекурить, я задал Юрику этот вопрос.

– IQ? – не сразу понял мой напарник, о чем шла речь.

– Вот именно! IQ – это уровень интеллекта. Это – то, на что ты реально способен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.